

ЗАПИСКИ О БОМБАРДИРОВАНИИ ОДЕССЫ,

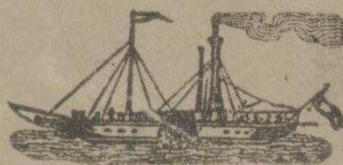
10-го апрѣля 1854 года.

СОЧИНЕНІЕ

Константина Веленецкаго,

Императорскаго Русскаго Географическаго общества и другихъ ученыхъ
обществъ ч. члена.

СЪ ПЛАНАМИ ОДЕССЫ И ЩЕГОЛЕВСКОЙ БАТАРЕИ И ВИДОМЪ СРАЖЕНІЯ.

ОДЕССА,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ФРАНЦОВА И НИТЧЕ.

1855.

СТРОГАНОВ

5078

ЗАПИСКИ

О БОМБАРДИРОВАНИИ ОДЕССЫ

10-го апрѣля 1854 года.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМ.І.І. МЕЧНИКОВА

ЗАПИСКИ

О БОМБАРДИРОВАНИИ ОДЕССЫ

10-го апрѣля 1854 года.

СОЧИНЕНІЕ

Константина Зеленецкаго,

Императорскаго Русскаго Географическаго общества и другихъ ученыхъ
обществъ ч. члена,

СЪ ПЛАНАМИ ОДЕССЫ И ЩЕГОЛЕВСКОЙ БАТАРЕИ И ВИДОМЪ СРАЖЕНІЯ.

ОДЕССА,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ФРАНЦОВА И НИТЧЕ.

1855.

ЗАПИСКИ

О ПОСЛАВЛЕНІИ ОДЕССЫ

10-го января 1854 года

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ :

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Одесса, 20-го Декабря 1854 года.

Ценсоръ *Д. Силицынъ.*

Стр. 1

5078.

КНЯЗЮ

СЕРГѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ

УРУСОВУ,

ВЪ ЗНАКЪ ДУШЕВНОЙ ПРЕДАННОСТИ,

посвящаетъ

признательный сочинитель.

НАУКОВА БИБЛИОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕНЧИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОПУ. М. П. МЕЧНИКОВА

По объявленіи, въ началѣ прошлаго года, со стороны Франціи и Англіи войны Россіи, въ Одессѣ скоро узнали о томъ, что англо-французскій, соединенный флотъ выступилъ въ Черное море. Тутъ, въ умахъ многихъ изъ одесскихъ жителей, явилась мысль, въ послѣдствіи оказавшаяся справедливою, о возможности появленія этого флота въ нашемъ заливѣ. Сообщенія съ Константинополемъ, производившіяся прежде посредствомъ очередныхъ пароходовъ, теперь, по обстоятельствамъ времени, были прерваны. По этому, свѣдѣнія, нѣсколько запоздалыя впрочемъ, о движеніяхъ и дѣйствіяхъ Англо-французовъ въ Константинополѣ и на Черномъ морѣ, имѣли мы только изъ иностранныхъ газетъ. Извѣстія, которыя привозили къ намъ изъ Босфора шкипера австрійскихъ и другихъ заграничныхъ судовъ, были невѣрны или сбивчивы. Такъ на примѣръ, въ мартѣ, одинъ изъ нихъ распространилъ слухъ, что, при отбытіи его изъ Константинополя, тамъ былъ страшный пожаръ и народное возстаніе противъ

англичанъ и французовъ. Это не надолго порадовало Одессу, но тѣмъ дѣло и кончилось. Сами собою, неизвѣстно откуда, возникали и другіе слухи, по большей части однако благоприятные для операций пшеницею. Общимъ источникомъ этихъ слуховъ считали еврейско-промышленный классъ одесскаго населенія. Между тѣмъ, въ томъ же мартѣ, а именно 27-го въ субботу, утромъ въ половинѣ 6-го, приходилъ на нашъ рейдъ англійскій военный пароходъ, въ 500 силъ, «Фюріусъ».

Чудовище это, какъ можно судить по его названію, вооруженное 16 пушками, шло, на разстояніи двухъ выстрѣловъ, въ заливъ. На немъ не было никакого флага. Это обстоятельство побудило карантинное начальство напомнить незванному гостю о томъ, что долгъ всякаго честнаго судна, входящаго въ какую бы то ни было гавань, поднять свой флагъ и объявить этимъ, какой націи оно принадлежитъ. Въ слѣдствіе этого, съ карантинной гавани сдѣлано было два холостыхъ пушечныхъ выстрѣла. Они навели Фюріуса на умъ и онъ поднялъ свой національный флагъ. Потомъ, не бросая якоря и остановясь на паряхъ, онъ выслалъ къ берегу шлюпку подъ парламентарскимъ флагомъ.

Шлюпка подошла къ берегу съ вопросомъ: находится ли еще въ городѣ англійскій консулъ? Это былъ, всѣмъ извѣстный, г. Емсъ, который, вмѣстѣ съ французскимъ консуломъ г. де-Буазеномъ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, оставилъ Одессу. Шлюпка, получивъ въ отвѣтъ, что консула уже нѣтъ въ городѣ, воротилась къ своему

пароходу-фрегату. Когда она отошла уже далеко за пушечный выстрѣлъ и приближалась къ Фюріусу, тотъ Фюріусъ двинулся далѣе въ заливъ, вѣроятно для промѣровъ дна, и естественнымъ образомъ подошелъ ближе къ гавани. Тогда командиръ батареи на этой гавани, исполняя данное ему приказаніе не подпускать непріятельскихъ военныхъ судовъ на пушечный выстрѣлъ, пустилъ въ Фюріуса одно за другимъ четыре ядра. Третье изъ нихъ попало въ его кожухъ. По первому же изъ этихъ выстрѣловъ и не отвѣчая на нихъ, Фюріусъ поворотилъ, подѣхалъ къ шлюпкѣ, взялъ ее и ушелъ¹⁾. Замѣтить должно, что, во время выстрѣловъ, парламентарская шлюпка находилась и внѣ ихъ, и въ сторонѣ отъ нихъ. При этомъ можно вспомнить, что прибрежныя батареи наши не были тогда еще совершенно кончены, хотя ихъ строили противъ какихъ нибудь турецкихъ корсаровъ, а не противъ испанскихъ эскадръ Англій и Франціи.

Нельзя однакожъ не обратить вниманія на одно изъ послѣдствій, какъ напомнимаія, сдѣланнаго нами Фюріусу, такъ и событій 10 и 30 апрѣля. Англо-французскіе пароходы-фрегаты, приходившіе въ нашъ заливъ до 10 апрѣля и до взятія парохода-фрегата «Тигръ», или не выбрасывали никакого флага, или подымали свой національный. Такъ сдѣлалъ и Фюріусъ. Тѣ же, которые являлись къ намъ послѣ того времени, во первыхъ становились въ болѣе почтительномъ разстояніи, нежели прежніе, а во

¹⁾ См. официальные извѣстія по этому предмету.

вторыхъ, кромѣ своего національнаго флага, подымали еще бѣлый, парламентарскій, а иногда даже и русскій. Что на нихъ былъ русскій флагъ, говорили тѣ, кто смотрѣлъ въ зрительную трубу. Мы же сами, простыми глазами, видѣли по два бѣлыхъ флага на одномъ и томъ же непріятельскомъ пароходѣ - фрегатѣ. Между тѣмъ, желаніе заблаговременно вывезти консуловъ не указываетъ ли на заранѣе принятое намѣреніе напасть на Одессу? Въ иностранныхъ газетахъ писали же, еще за нѣсколько недѣль до 10-го апрѣля, о томъ, что будто бы Одесса и была уже бомбардирована. Притомъ, еще въ половинѣ марта, у насъ говорили, что здѣшніе банкиры получили кредитивы на имя разныхъ англійскихъ офицеровъ изъ эскадры адмирала Дундаса.

За границу носились еще слухи и о высадкѣ въ Одессу въ большомъ размѣрѣ. Конечно, англо-французскихъ войскъ, въ мартѣ и апрѣлѣ, было мало на берегахъ Босфора; но представители европейской образованности могли, пожалуй, употребить для этого и Турокъ. Какъ бы то ни было, начальство Одессы, давшее Фюриусу знать, съ кѣмъ имѣютъ дѣло гг. Англо-французы, не упустило изъ виду и правилъ предосторожности. Войска, составлявшія гарнизонъ Одессы и ея окрестностей, были поставлены на военную ногу. Батареи по набережью были приведены къ концу.

Въ городѣ, между тѣмъ, господствовало невозмутимое спокойствіе: концерты, прогулки на бульварѣ, семейныя собранія, — все по старому.

Въ четвергъ, 1-го апрѣля, часу въ 10-мъ утра, сидѣлъ я за письменнымъ столомъ, какъ слуга вошелъ ко мнѣ со словами: «англійскіе корабли — въ гавани». Извѣстіе это возбудило мое любопытство. Я одѣлся и вышелъ изъ дому посмотрѣть, что это за корабли. На улицѣ, Дерибасовской, центральной въ городѣ, нашелъ я движеніе, большее въ сравненіи съ обыкновеннымъ. Все имѣло видъ торопливости, суетилось. Понятно, что близость непріятеля и неизвѣстность приводили многихъ въ смущеніе. Нѣкоторые даже тутже начали переселяться съ береговой части города. Въ вечеру, узналъ я, что какой то иностранецъ, имѣющій здѣсь свое заведеніе, при первомъ извѣстіи о появленіи непріятельскихъ судовъ, бросилъ все и съ семействомъ уѣхалъ за нѣсколько верстъ отъ города. Тутъ же на Дерибасовской встрѣтилъ я одного изъ своихъ знакомыхъ. Онъ шелъ съ бульвара. «Что тамъ?» — Пришли три парохода и стоятъ на рейдѣ. — «А ты куда?» — Отправилъ изъ дому на базаръ, да и самъ спѣшу закупить кое чего. Будутъ ли завтра лавки открыты — Богъ вѣсть, а запастись не мѣшаетъ.

На площади, между театромъ и клубомъ, нашелъ я батальонъ солдатъ въ походной формѣ. Народъ валитъ

на бульваръ. Здѣсь, какъ и по всему набережью, — толпы, кто съ биноклемъ, кто съ зрительной трубой. Многіе въ кружкахъ толкуютъ и разсуждаютъ. Три парохода-фрегата, не выбрасывая флаговъ, стоятъ недвижно, внѣ пушечнаго выстрѣла. Мнѣ показалось одно, по истинѣ, чрезвычайнымъ и какъ-бы предзнаменательнымъ. У насъ, въ апрѣлѣ лѣтніе жары — не рѣдкость, а тутъ было холодно, какъ бываетъ въ январѣ. Прошедши же по бульвару, я почувствовалъ всю силу разъяреннаго Ю, который, вдругъ и совсѣмъ неожиданно, понесъ на незванныхъ гостей цѣлая туча снѣгу, и прямо имъ въ лицо. Это самый злой изъ нашихъ вѣтровъ, а съ придачей снѣгу онъ просто невыносимъ.

Съ бульвара пошелъ я на батарею, которую только что началъ сооружать, на свой счетъ, извѣстный Джиджи-Мокки ²⁾. Здѣсь тоже толпа народу. Былъ однако уже 12-й часъ въ исходѣ, и я поспѣшилъ въ лицей.

Но три военные парохода, два англійскихъ и одинъ французскій, спокойно стояли вдаль, такъ что наши батареи не могли дѣйствовать по нимъ. Флаги на пароходахъ сначала не были подняты; за то трубы дымилась. Казалось, это были какіе то таинственные пришельцы. Въ тотъ же день, какъ извѣстно, они выслали

²⁾ Прежде бывший тосканскій, теперь русскій подданный, который 30 лѣтъ служитъ боцманомъ при Одесскомъ карантинѣ и управляетъ «спасительнымъ баркасомъ», подающимъ помощь судамъ во время бури. Еще до настоящихъ событий, грудь его была украшена золотой медалью на Аннинской лентѣ. Теперь онъ имѣетъ и другую, на Владимірской.

парламентера съ запросомъ: «на какомъ основаніи стрѣляли по парламентарской шлюпкѣ, которая отправлена была съ Фюриуса?» Получивъ объясненіе, какимъ образомъ дѣло происходило, три парохода остались на рейдѣ. Тутъ, находясь постоянно внѣ выстрѣловъ съ нашихъ прибрежныхъ батарей и слѣдовательно безнаказанно, они сдѣлали нѣсколько круговъ въ заливѣ, промѣряли дно въ разныхъ его мѣстахъ, гдѣ только позволяла глубина воды, и, все таки внѣ выстрѣловъ съ нашей стороны, начали ловить и прибирать въ свои руки каботажныя суда съ грузомъ и безъ него, находившіяся на пути между Херсономъ, Евпаторіей и другими нашими портами и Одессой. Ловля эта продолжалась до ночи съ субботы на воскресенье, съ 3 на 4 апрѣля, когда любезные гости оставили насъ на нѣсколько дней въ покоѣ. До того нѣкоторые изъ нихъ то скрывались съ горизонта, уходя за новой добычей къ Очакову, Бугасу и въ другія мѣста, то возвращались. По временамъ, ловля эта сопровождалась выстрѣлами, быть можетъ, даже изъ бомбическихъ пушекъ, по тѣмъ изъ судовъ, которыя думали спастись бѣгствомъ на береговое мелководье.

Потомки Нельсона и Бугенвиля поступали въ иныхъ изъ этихъ случаевъ и постыдно. Приближаясь къ мѣстамъ, гдѣ и не подозрѣвали продѣлокъ, недостойныхъ громкихъ именъ Англии и Франціи, они дѣйствовали обманомъ и подымали русскій и австрійскій флаги. Такимъ образомъ, еще во вторникъ 30-го марта, по утру, англійскій пароходъ-фрегатъ показался въ виду

Севастополя подъ австрійскимъ флагомъ и захватилъ было, шедшее изъ Евпаторіи, русское, каботажное судно; но, устрасясь, высланныхъ противъ него, фрегатомъ Кулевче и Коварна, бросилъ добычу, хотя успѣлъ снять и увести въ плѣнъ экипажъ. Въ пятницу, 2-го апрѣля, одинъ изъ трехъ, остановившихся на канунѣ у Одессы, парходовъ, прикрываясь русскимъ флагомъ, подошелъ къ Кинбурну, какъ звѣрь ринулся на шесть купеческихъ судовъ, стоявшихъ у этого мѣста, и увелъ ихъ съ собою. Въ тотъ же день, одинъ изъ тѣхъ же трехъ парходовъ-фрегатомъ напалъ на русское купеческое судно. Оно бросилось къ берегу. Парходъ за нимъ и началъ стрѣлять. Экипажъ, видя неминуемую потерю судна и неизбежный плѣнъ, спасся бѣгствомъ. Англичане ограбили и потомъ сожгли судно.

Сколько извѣстно, въ теченіе своего трехдневнаго рейса въ виду Одессы и вблизи отъ нея, англо-французскіе парходы захватили и увели съ собою 13 каботажныхъ судовъ, изъ коихъ 6 были съ грузомъ хлѣба, угля и соли. Окруженные этими-то трофеями, воители торжественно стояли въ виду Одессы, въ субботу, въ вечеру, на канунѣ своего ухода³.

³. Вотъ что показываютъ шкипера и матросы каботажныхъ судовъ, которые взяты и уведены были въ это время, а потомъ возвращены англо-французами. (Од. Вѣст. 1854. № 61).

²-го апрѣля, въ 10 часовъ утра, подошелъ къ устью Днѣпровскаго лимана подъ русскимъ, военнымъ флагомъ англійскій парходъ «Ретрибушенъ», спустилъ на воду четыре гребныя судна для промѣра глубины, и малымъ ходомъ началъ входить въ лиманъ; но, послѣ перваго выстрѣла съ

Городъ между тѣмъ, въ тотъ же четвергъ, 1-го апрѣля, къ вечеру, успокоился: жители привыкли къ невиданному зрѣлищу и все приняло обычный видъ. Только съ одного конца его до другаго пошла громкая и даже интересная, по своей новизнѣ, молва «Одесса въ блокадѣ.» Многіе во все время, пока парходы находились на нашемъ рейдѣ, считали какъ бы долгомъ понавѣдаться на бульваръ, до обѣда и въ вечеру, что дѣлается въ

Кинбурнской крѣпости, поворотилъ въ море, отошелъ на половину разстоянія между Кинбурнскою косою и островомъ Березанью, и, держась здѣсь подъ парами, далъ приказаніе вооруженнымъ гребнымъ судамъ взять, стоявшія въ устьѣ лимана на якорѣ, купеческія суда. Сначала взяты были четыре требаки, нагруженныя двѣ углемъ, одна мукою и одна льномъ; потомъ — шкуна, наконецъ бригъ, къ которому посланы были три вооруженныя гребныя судна, въ предположеніи, что онъ военный. Шкиперъ этого брига, вольный штурманъ Масловскій, поставилъ паруса, чтобъ отойти на мель; но по немъ открыта была съ пархода канонада, грозившая потопленіемъ брига, и въ то же время его настигли гребныя суда, съ которыхъ взошли на бригъ три офицера и тридцать человекъ вооруженныхъ матросовъ, и, арестовавъ экипажъ судна, направили бригъ въ Одессу. Около 8-ми часовъ вечера всѣ арестованныя суда, конвоируемыя парходомъ, положили якорь на взморь Одесскаго рейда, подлѣ арестованныхъ прежде того пяти купеческихъ судовъ. На разсвѣтъ третьяго числа, каменный уголь, находившійся на лодкахъ, былъ перегруженъ на парходы, а остальной грузъ на захваченный прежде того бригъ «Графъ Никитинъ.» Взятые въ плѣнъ на судахъ люди были свезены на французскій парходъ «Декартъ» и англійскій «Ретрибушенъ», по двадцати осьми человекъ на каждый. На разсвѣтъ 4 апрѣля парходы «Декартъ» и «Ретрибушенъ», взявъ на буксиръ всѣ арестованныя суда, отправились къ острову Фидониси. Плаваніе продолжалось весьма медленно, не смотря на попутный сѣверный вѣтеръ. Парходы часто, особенно ночью, то отходили въ море, то придерживались къ берегу. 6 числа, около полудня, по прибытіи къ острову Фидониси, суда поставлены были на якорь, въ пяти миляхъ отъ острова къ востоку; два пархода стали около судовъ. Черезъ нѣсколько времени, подошелъ еще одинъ англійскій парходъ, и тутъ же сталъ на якорь. Утромъ 7-го числа прибылъ англійскій парходъ съ пове-

заливъ и что пароходы — ушли ли, или подошли к нимъ еще другіе. Отъ этого, бульваръ почти постоянно былъ полонъ народомъ. Когда же знаменитые ловцы удалились, это развлеченіе само собою прекратилось и никто не обратилъ на то большаго вниманія. Дѣло пока тѣмъ и кончилось. Между тѣмъ, въ воскресенье, часу въ 10 вечера, уходя изъ клуба, видѣлъ я, какъ одинъ еврейскій галантерейный магазинъ выбирался куда то съ театральной галереи.

Баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ постигъ однако и характеръ и замыслы своихъ противниковъ. Готовя имъ отпоръ, онъ обратилъ вниманіе и на условія и положе-

лѣннѣмъ бомбардировать Сулинь, почему всѣ четыре парохода пошли къ Сулинскому устью. Шедшій впереди, англійскій пароходъ подошелъ къ берегу такъ близко, что сталъ на мель. По перегрузкѣ на малый пароходъ достаточнаго количества угля, и послѣ шести часовъ большихъ усилій, пароходъ помощью машины, верховъ и пособіемъ трехъ прочихъ пароходовъ, былъ снятъ. Въ это время, подошедшее Ионическое судно извѣстило, что въ Сулинь нѣтъ никого кромѣ стариковъ, женщинъ и дѣтей, и всѣ они не русскіе, и что самое устье Дуная нисколько не укрѣплено. Поэтому бомбардировка была отменена, и пароходы, вечеромъ того же дня, отправились къ острову Фидониси. Всю ночь пароходы продержались въ морѣ подъ парами, а утромъ, въ восемь часовъ, прибыли къ острову, и стали на якорь, на прежнемъ мѣстѣ. Въ два часа по полудни, прибыли два англійскіе парохода съ повелѣніемъ слѣдовать въ Одессу. Эти три парохода прибыли туда 9-го числа утромъ къ эскадрѣ, стоявшей уже на якорѣ, оставивъ четвертый пароходъ у призовыхъ судовъ. Шкиперъ Масловскій показалъ, что пароходъ «Ретрибушенъ», повидимому, донесъ своему адмиралу, что 2-го апрѣля онъ сжегъ казенный транспортъ. Это онъ заключаетъ изъ вопросовъ, какіе были ему сдѣланы французскимъ адмираломъ, который не хотѣлъ ему вѣрить, что этого не было, и что нашъ пароходъ «Турокъ», въ виду парохода «Ретрибушенъ», отвелъ транспортъ въ Николаевъ.

ніе города, позаботился о внутренней тишинѣ и безопасности и принялъ мѣры на случай внезапнаго появленія Англо-французовъ. Между прочимъ, сдѣлано было распоряженіе о вывозѣ изъ Одессы, находившагося въ ней въ большомъ количествѣ, зерноваго хлѣба во внутрення мѣста Новороссійскаго края ⁴⁾. Часть здѣшнихъ арестантовъ отправлена была въ Бендеры. Коммерческому банку, который закрылъ было свои операціи, приказано возобновить ихъ, но быть въ готовности, на всякій случай, къ отъѣзду. Тоже распоряженіе сдѣлано было и въ отношеніи къ Казначейству и Институту благородныхъ дѣвицъ. Начали перевозить присутственныя мѣста съ бульвара въ отдаленныя части города.

Въ обыкновенъ, общественномъ и частномъ быту, все однако сохраняло прежній, спокойный видъ, хотя мысли и разговоры, съ отгѣнкомъ нѣкоторыхъ опасеній, постоянно клонились къ современному положенію города.

Резервной пѣхоты и артиллеріи въ это время, какъ и потомъ, въ Одессѣ находилось нѣсколько тысячъ чело-
вѣкъ. Солдаты были расположены постоемъ на квартирахъ. Тутъ, на долю инаго владѣльца, — разумѣется, изъ богатѣйшихъ, — приходилось по нѣскольку десятковъ душъ. Продовольствіе солдатъ лежало равнымъ образомъ на хозяевахъ домовъ и, надобно признаться, многіе изъ нихъ, особенно русскіе дворяне и купцы, и даже кое-кто изъ негоціантовъ, отличились въ этомъ случаѣ

⁴⁾ См. Од. Вѣст. 1854. № 38.

своимъ радушіемъ къ солдатамъ. Каждый день давали имъ хлѣба вдоволь, винную порцію, щи или борщъ, добрую говядину; а въ иныхъ мѣстахъ, по нѣмецкому обычаю, поили даже кофеемъ. Разумѣется, въ домахъ бѣдныхъ евреевъ, коихъ у насъ, какъ извѣстно, весьма много, стоять имъ было не столь роскошно. Къ 1-му апрѣля, вступили въ Одессу два уланскіе полка, одинъ: эрцъ-герцога австрійскаго Карла-Фердинанда, подъ командою генераль-майора Тимковскаго, и другой графа Никитина, подъ командою полковника Башкирцева, да еще резервные и запасные батальоны Томскаго и Колыванскаго егерскихъ полковъ⁵⁾.

Пароходы удалились изъ Одесскаго залива, какъ мы уже сказали, въ ночь съ субботы на воскресенье, когда началась седмица Вайи. Въ эти дни храмы Господни были постоянно отверсты на вечернихъ, утреннихъ и дневныхъ служеніяхъ. Народъ притегалъ въ нихъ съ теплымъ чувствомъ вѣры, покаянія и молитвы. Въ страстную среду, 7-го апрѣля, во время вечерняго служенія, преосвященный Иннокентій соборне совершалъ священное таинство елеосвященія и помазывалъ всѣхъ, притекавшихъ къ нему, приготовляя такимъ образомъ къ мужественной встрѣчѣ предстоявшей години испытаній.

⁵⁾. Приказъ военнаго начальника отъ 2 апрѣля.

Ровно чрезъ недѣлю, послѣ появленія трехъ пароходовъ въ нашемъ заливѣ, 8-го апрѣля, въ четвергъ, на страстной недѣлѣ, пошелъ я къ обѣдни въ соборную церковь. Предъ началомъ служенія, часовъ около 10-ти, баронъ Остенъ-Сакентъ, со штабомъ своимъ, пріѣхалъ туда-же, но не остался на литургіи. Подошедъ къ Преосвященному, который въ то время входилъ во храмъ, баронъ сказалъ: «благословите на дѣло: неприятельскій флотъ въ виду.» Принявъ благословеніе архипастыря, онъ уѣхалъ. Не многіе слышали слова генерала и богослуженіе, при многочисленномъ стеченіи народа, шло обычнымъ порядкомъ. Только въ словѣ своемъ, произнесенномъ при окончаніи служенія, Преосвященный говорилъ:

«Въ такой великій и святой день, какъ нынѣшній, и вездѣ, тѣмъ наче во храмъ, не хотѣлось бы думать о чемъ либо другомъ, какъ о возлюбленномъ Спасителѣ и Господѣ нашемъ, Который, нашего ради спасенія, грядетъ на страсть вольную... Но, видно, такъ угодно было Его же всесвятой волѣ, чтобы мы, и въ этотъ день и въ семъ священномъ мѣстѣ, подумали нынѣ и побесѣдовали не столько о томъ, что было нѣкогда съ Нимъ, сколько о томъ, что происходитъ теперь съ нами.

«Что-же съ нами? Не что либо совершенно новое и неожиданное, и однакоже всего менѣе желанное и

приятное: враги наши, столько времени угрожавшіе намъ своимъ нашествіемъ, наконецъ предъ нами, на водахъ нашихъ⁶⁾... Потомъ баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ вновь пріѣхалъ къ священному обряду умовенія ногъ, совершаемому въ этотъ день.

Изъ церкви я пошелъ въ почтовую контору. Это было часу въ первомъ по полудни. У почтоваго зданія, какой-то адъютантъ, прискакавъ на конѣ, торпливо спрашивалъ, можно ли теперь-же отправить деньги въ Ригу. Пока я объяснялъ ему отходы почтъ, другой офицеръ подошелъ къ нему съ вопросомъ: «правда-ли, тревога?» Сидѣвшій на конѣ ничего не отвѣчалъ и, узнавъ, что деньги въ Ригу идутъ только по средамъ и субботамъ, ускакалъ. Слово «тревога», солдаты въ походной формѣ, опроретью скачущіе козаки, офицеры и адъютанты сдѣлались у насъ какъ-то обыкновенны. Поэтому, вопросъ офицера ничего бы не значилъ, если бы не вспомнилъ я словъ барона Д. Е. Остенъ-Сакена, сказанныхъ имъ Преосвященному, при испрошеніи у него благословенія. Тѣмъ не менѣе, заподлинно я не зналъ, въ чемъ дѣло.

Въ пріемной, на почтъ, сказали мнѣ, что на горизонтѣ виднѣнъ огромный флотъ, который идетъ на Одессу. Не знаю почему, это извѣстіе не произвело на меня никакого особеннаго впечатлѣнія, даже и тогда, когда, вышедъ изъ почтовой конторы, я увидѣлъ, что войска выходили изъ квартиръ и собирались по отдѣленіямъ. Движимый

⁶⁾ Одес. Вѣст. 1844. № 75.

любопытствомъ, я пошелъ однако на дачу графини Ланжеронъ, въ верстѣ отъ города. Здѣсь одесское набережье поворачиваетъ къ югу и безбрежное море открывается вполне. Отсюда, сказали мнѣ, ясно видны неприятельскіе корабли. вмѣстѣ со мною, тянулось большое число любопытныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, на горизонтѣ, простому глазу представлялось множество военныхъ кораблей и пароходовъ. Они шли прямо въ нашъ заливъ и очевидно въ двухъ отдѣленіяхъ: на-право, ближе къ берегу, корабли меньшей величины, на-лѣво виднѣлись огромныя вѣтрила трехдечныхъ судовъ; пароходы — впереди, по сторонамъ и въ срединѣ обоихъ отдѣленій. Картина, при ясномъ небѣ и спокойной поверхности воды, была поразительно-великолѣпна.

Зрители недоумѣвали. «Неужели это въ самомъ дѣлѣ противъ нашей Одессы, которая до сихъ поръ находилась въ самыхъ частыхъ, основанныхъ на тѣсномъ интересѣ, сношеніяхъ съ Лондономъ и Парижемъ, — противъ Одессы, въ которой, вмѣстѣ съ подданными всѣхъ націй, живетъ такъ много французовъ?» говорили многіе. Но корабли молчаливо и грозно шли на городъ, это было очевидно и несомнѣнно.

Налюбовавшись, съ стѣсненнымъ сердцемъ, видомъ небывалаго до сихъ поръ, появленія такихъ громаднхъ силъ на нашихъ водахъ, я воротился домой. Прежде однако, по дорогѣ, пошелъ я взглянуть на батарею № 1, которая устроена за стѣной чумнаго квартала, надъ прибрежной покатостію одесскаго возвышенія, въ томъ

мѣстѣ, гдѣ заливъ уже поворачиваетъ къ югу. Батарея эта, вооруженная шестью двухпудовыми мортирами и двумя однопудовыми единорогами, казалась мнѣ сильнѣе и надежнѣе прочихъ, какъ по своему положенію на возвышенности, такъ и по устройству и вооруженію. Тутъ же сказали мнѣ, что на дняхъ испытывали проворство и мѣткость стрѣльбы. То и другое найдено было вполне удовлетворительнымъ. Изъ пяти выстрѣловъ, одинъ только кажется, не попалъ въ цѣль. Это порадовало меня, тѣмъ болѣе, что, за недостаткомъ полного числа артиллеристовъ, къ артиллерійскимъ приемамъ и дѣйствіямъ приучены были простые рядовые. Нельзя не сказать при этомъ, что въ Одессѣ многіе полагали, что шесть батарей нашихъ не устоятъ и полу-часу противъ несметныхъ силъ, съ которыми предстояло имъ вступить въ борьбу. На дѣлѣ вышло однако совершенно иначе и смѣлый отпоръ, сдѣланный непріятелю барономъ Остенъ-Сакеномъ, имѣлъ важные результаты.

Тутъ-же, за чумнымъ кварталомъ, встрѣтилъ я одного своего знакомаго, который, торопясь и запыхавшись, спѣшилъ съ дачи графини Ланжеронъ въ городъ. «Куда спѣшите вы такъ?» — Помилуйте, надобно скорѣе перевести семейство: мы живемъ у самого берега. — Въ этотъ день, бульваръ и всѣ зданія, на-право отъ него къ карантину, уже окончательно опустѣли: все перебралось подальше. Оставались весьма не многіе, да и тѣ не надолго. Изъ домовъ же, расположенныхъ на лѣво отъ дома кн. М. С. Воронцова, и далѣе на Пере-

сыпи, никто и не думалъ выбираться. Эту часть города считали совершенно безопасной.

На возвратномъ пути въ городъ, на полѣ, между Михайловскимъ училищнымъ монастыремъ и валами, бывшей въ давнее время, а нынѣ составляющей часть карантинна, крѣпости, нашелъ я нѣсколько батальоновъ пѣхоты, уланъ и артиллерію. Далѣе, за Новикова мостомъ, у дверей и воротъ Банковой конторы, стоялъ усиленный караулъ. Замѣчу, что въ этотъ-же день вступили въ Одессу резервные и запасные батальоны Азовскаго и Днѣпровскаго пѣхотныхъ полковъ.

Часу въ шестомъ по полудни, англо-французскій флотъ сталъ въ виду Одессы, снялъ паруса и бросилъ якоря. На другой день, къ нему подошло еще нѣсколько судовъ, такъ что число всѣхъ ихъ простиралось до 31 выпела. Главный корпусъ составляли 6 трехдечныхъ, 13 двухдечныхъ линейныхъ кораблей и 9 париходовъ-фрегатовъ⁷⁾.

Между тѣмъ, городъ, во внѣшности, сохранялъ прежній, спокойный видъ. Кажется, напрасный страхъ, ровно за недѣлю предъ этимъ, въ прошлый четвергъ, позволялъ теперь недоувѣрять близкой опасности и хладнокровнѣе смотрѣть на приближеніе враговъ. Впрочемъ, внутренно, въ душѣ, каждый болѣе или менѣе безпокоился. Убѣждены были, что англо-французамъ нѣтъ никакой ни выгоды, ни славы бомбардировать Одессу. Для того-же, чтобъ сбить наши батареи, не къ чему было приводить

⁷⁾ Слич. Од. Вѣст. 1854. № 40.

такихъ несмѣтныхъ силъ. Понятно, что появленіе союзнаго флота съ его 1900 пушками, было чѣмъ-то и загадочнымъ, и страшнымъ. Слѣдующій день долженъ былъ разъяснить эту таинственно-грозную загадку; а между тѣмъ каждый заранѣе отправился къ себѣ, домой, пообдумать, потолковать со своими, а иные и собрать кое-что, и положить. За всѣхъ однако не дремалъ баронъ Д. Е. Остенъ-Сакентъ. Приняты были разныя мѣры, относительно внутренней безопасности и, между прочимъ, опаснѣйшихъ изъ арестантовъ вывели изъ острога и въ цѣпяхъ отправили въ Херсонъ.

Въ вечеру, пошелъ я въ соборъ и по дорогѣ встрѣчалъ солдатъ, которые возвращались съ бивака, оставивъ товарищей сторожить незваныхъ гостей. Въ соборѣ, на чтеніи страстей Господнихъ, было множество народу. Служилъ преосвященный Иннокентій.

Въ пятницу, 9-го апрѣля, на разсвѣтъ вывезли здѣшнюю Контору государственнаго, коммерческаго банка и Казначейство въ Вознесенскъ, находящійся въ 130 верстахъ отсюда, на лѣвой сторонѣ Буга⁸⁾. Видно, начальство предвидѣло замыслы благопріятелей. При томъ, никто не зналъ, находится ли на корабляхъ десантное войско, или нѣтъ, такъ что нельзя было оставаться въ совер-

⁸⁾ Контора прибыла въ Вознесенскъ 14 апрѣля и съ 19-го числа того же мѣсяца открыла свои дѣйствія, какъ по пріемнымъ и трансфертнымъ вкладамъ, такъ и по пріему платежей по векселямъ. Казначейство и Контора возвратились въ Одессу въ концѣ мая.

шенной разувѣренности относительно покушенія на десантъ. Конечно, онъ во всякомъ случаѣ былъ бы разбитъ и уничтоженъ, но надобно было принять мѣры, надобно было держать войско наготовѣ и вывезти то, чему не слѣдовало оставаться въ городѣ.

Погода была тихая и ясная въ этотъ день. Корабли оставались, во все утро и въ обѣдъ, во вчерашнемъ положеніи. Это начало нѣсколько успокоивать городъ и на всемъ протяженіи бульвара собрались толпы. Тутъ были мужчины и женщины всѣхъ націй, званій и возрастовъ. Толпы эти мѣнялись въ своемъ составѣ, оставаясь до поздняго вечера. Тутъ, въ отдѣльныхъ кружкахъ, конца не было разнымъ предположеніямъ. Одни говорили, что непріятельскій флотъ пришелъ ни болѣе, ни менѣе, какъ для того, чтобъ овладѣть городомъ, что на немъ десантная войска, а иные утверждали, — будто въ зрительныя трубы видѣли на корабляхъ даже и лошадей, конечно для того-же десанта. Многіе предполагали, что не все же англо-французскому флоту скитаться по морю безъ прямой цѣли, что надобно ему гдѣ нибудь и остановиться, перемышлять болѣе, поправить снасти, — что вотъ онъ, на этотъ разъ, и избралъ для этого Одесскій рейдъ. Большинство убѣждено было въ томъ, что флотъ явился за контрибуціей и притомъ не только деньгами, но и пшеницей. Словомъ, мнѣніямъ и толкамъ не было конца.

Въ 2 часа началась вечерня и послѣдовалъ выносъ плащаницы. Въ соборѣ, среди служенія, вызвали барона Д. Е. Остенъ-Сакена. Генерала ждалъ парламентаръ,

присланный съ письмомъ отъ адмираловъ Дундаса и Гамелена, на которое надобно было дать отвѣтъ. И отвѣтъ этотъ данъ былъ достойно имени Русскаго.

Къ концу служенія, обстоятельство это было уже извѣстно Преосвященному. Потому, въ словѣ своемъ, которое произнесъ онъ въ этотъ часъ, онъ не преминулъ обратиться къ предстоящимъ съ словесами мира, успокоенія и вразумленія. Онъ говорилъ :

«И такъ великое дѣло Богочеловѣка кончено!... При всей Божественности Своего ученія, при всемъ величїи и благотворности чудесъ Своихъ, Онъ не признанъ народомъ Иудейскимъ, преданъ невѣрнымъ ученикомъ, отвергнутъ безумнымъ синадріономъ, осмѣянъ Иродомъ, не спасенъ Пилатомъ, посрамленъ и умученъ воинами, вознесенъ посреди злодѣевъ на крестъ; и се, яко жертва, во спасеніе всего міра, предаетъ наконецъ духъ Свой Богу! *Совершишася...*

«Что съ нашимъ дѣломъ, которое, хотя само по себѣ безконечно мало въ сравненїи съ чрезвычайнымъ событіемъ Голгофскимъ, но тѣмъ не менѣе грозитъ намъ крестомъ и плащаницею?... Мы знаемъ несомнѣнно, что и о насъ сотворенъ уже врагами нашими совѣтъ, *да имутъ насъ и погубятъ*, если не жизнь, то достояніе и честь нашу. Найдены уже противу насъ и лжесвидѣтели, готовые утверждать, что нами нарушено всеобщее право народовъ, что мы хотѣли разорить и потопить ихъ мнимомірную ладію. Если бы враги наши хотѣли искренно знать истину, то не было бы ничего легче намъ показать,

а имъ увидѣть ее; но они, подобно Пилату, только вопрошаютъ объ истинѣ, а въ самомъ дѣлѣ желаютъ не истины, а предлога къ нападенію на насъ. И вотъ почему предложены ими такія условія намъ, на кои, подобно Спасителю на судѣ Пилата, не остается отвѣчать намъ ничѣмъ другимъ, какъ только — молчаніемъ.... *Отвѣта не даде ему* (Іоан. XIX. 9). Пилать не оскорбился молчаніемъ Богочеловѣка, а напротивъ, какъ замѣчаетъ св. Іоаннъ, *отъ сего искаше пустити Его* (Іоан. XIX, 11.). Но наше молчаніе не можетъ произвести подобнаго дѣйствія и намъ, послѣ него, предстоитъ, безъ сомнѣнія, отъ враговъ нашихъ не спокойствіе и безопасность, а жестокая буря — съ молніею и громами.

«Если посему въ какомъ положенїи, то въ настоящемъ, — когда и мы всѣ находимся, можно сказать, предъ Крестомъ и Голгофою, — для насъ необходимъ вождь и утѣшитель. И се, онъ является намъ въ лицѣ самого Господа и Спасителя нашего! Ибо, думаете ли, что случайно и безъ особеннаго Божїа промысленія произошло то, что о насъ судятъ теперь и насъ осуждаютъ враги наши, именно въ то время, когда былъ судимъ и осужденъ Господь нашъ? — Нѣтъ! — это слѣдствіе тайнаго, всеблагаго предраспоряженія *свыше*, которое враги наши, сами не зная того, хотятъ привести въ исполненіе, подобно тому, какъ невѣрные Іудеи, дѣйствуя по единой своей злобѣ, тѣмъ не менѣе привели въ исполненіе всѣ предсказанія пророковъ о судьбѣ своего Мессїи и собственной.

«И такъ, кто ищетъ себѣ теперь вразумленія и утѣшенія (а кому оно не нужно?), тотъ впери взоръ и мысль свою въ это священное изображеніе распятаго Спасителя, которое св. церковь представляетъ нынѣ предъ нами. Се нашъ вождь и наставникъ! Се нашъ утѣшитель!»

Я обѣдалъ у своего товарища Д. А. Б. Часу въ 6-мъ, въ небольшомъ обществѣ, ничего еще не зная, пошли мы на бульваръ. По дорогѣ, на Ришельевской, кличетъ меня г. К. «Слышали-ли, знаете-ли — черезъ 2 часа будутъ городъ бомбардировать?» — Чтò вы, откуда взяли вы это?» — «Всѣ говорятъ!» Я не повѣрилъ словамъ его, но на Ришельевской, въ самомъ дѣлѣ, замѣтно было нѣкоторое усиленное движеніе. На встрѣчу мнѣ, бѣжить какой-то французъ. Другой въ недоумѣніи останавливаетъ его и спрашиваетъ что-то. Первый отвѣчаетъ «с'est vrai, с'est vrai», и бѣжить дальше. Тутъ и я подумалъ, что должно-же быть въ самомъ дѣлѣ что нибудь. Обогнавъ Б., спѣшу далѣе, на бульваръ.

На театральной площади, возлѣ биржи, опять собрано войско, которое до обѣда было распущено. Подошедъ къ биржѣ, я увидѣлъ, что соединенныя эскадры подошли ближе къ городу. На бульварѣ, тѣже толпы мужчинъ и женщинъ всѣхъ возрастовъ, званій и націй. Подхожу къ одной кучкѣ, вижу въ ней двухъ своихъ знакомыхъ, отставнаго полковника К., и капитана 1-го ранга Р. Оба въ самомъ веселомъ расположеніи духа. К., какъ старый воинъ, котораго не скоро утратишь, и какъ давній недругъ англичанъ, подтруниваетъ надъ ними. Р.

также смѣется и шутить, но, не шутя, доказываетъ, что англичане — хорошіе купцы, а не воины. О предстоявшей бомбардировкѣ и рѣчи не было, а мнѣ какъ-то совѣстно было спросить. Вскорѣ однако къ намъ подошелъ П. и положительно объявилъ, что въ 2 часа по полудни прислано было къ барону Остенъ-Сакену письмо отъ адмираловъ Дундаса и Гамелена, съ требованіемъ выдать имъ, въ возмездіе за мнимые выстрѣлы по парламенту, находящійся въ гавани у насъ, русскія, англійскія и французскія суда, и съ объявленіемъ, что, въ случаѣ отказа, они угрожаютъ нападеніемъ. П-нъ прибавилъ, что нашъ доблестный генералъ оставилъ это требованіе безъ отвѣта, предоставивъ гг. Дундасу и Гамелену вѣдаться съ нашими батареями ⁹⁾.

Между тѣмъ, толпы на бульварѣ начали рѣдѣть. По торопливости многихъ, можно было замѣтить, что грозная вѣсть разнеслась по городу. Она разнеслась необыкновенно

⁹⁾ Заимствуемъ изъ Од. вѣст. (1854 № 47) текстъ письма этого, написаннаго въ одинаковомъ содержаніи губернатору Одессы адмиралами Дундасомъ и Гамеленомъ:

«Предъ Одессою, 21-го (п. ст.) апрѣля, 1854.

«Господинъ губернаторъ!

«Такъ какъ въ письмѣ вашемъ отъ 14-го апрѣля, дошедшемъ до насъ не прежде нынѣшняго утра, заключаются невѣрныя лишь показанія для оправданія непростительнаго нападенія, въ которомъ провинились Одесскія начальства въ отношеніи къ нашему фрегату и его шлюпкѣ, которые оба были подъ парламентнымъ флагомъ;

«Такъ какъ, не обращая вниманія на этотъ флагъ, батареи сего города сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ ядрами какъ по фрегату, такъ и по шлюпкѣ въ то самое время, когда послѣдняя отвалила отъ набережной мола, куда прибыла съ довѣрчивостью;

скоро, такъ что въ шесть часовъ всѣ, кромѣ развѣ какого нибудь одичалаго домохозяина, знали о готовящейся опасности. Притомъ, и отъ начальства предписано было полиціи оповѣстить жителей о нападеніи на городъ, которымъ угрожаетъ непріятель. Срокъ же исполненія требованія, назначенный въ депешѣ союзныхъ адмираловъ до захожденія солнца, устранилъ многихъ и произвелъ то, что кто жилъ въ части города, ближайшей къ берегу, и кто только могъ, тутъ-же бросился перебираться далѣе, къ предмѣстьямъ.

По этому, когда я, простоявъ съ четверть часа со своими знакомыми, пошелъ къ себѣ на квартиру, увидѣлъ я настоящее переселеніе по Ришельевской и Дерибасовской улицамъ, ведущимъ отъ центра города къ ху-

«Оба вице-адмирала, главнокомандующіе союзными эскадрами Англіи и Франціи, считаютъ себя въ правѣ требовать удовлетворенія у вашего превосходительства.

«Въ слѣдствіе сего, всѣ Англійскія, Французскія и Русскія суда, стоящія нынѣ близъ крѣпости или батарей Одесскихъ, имѣютъ присоединиться безъ замедленія къ союзнымъ эскадрамъ.

«Если, при захожденіи солнца, обоими вице-адмиралами не будетъ получено отвѣта или получится только отвѣтъ отрицательный, они найдутъ себя принужденными прибѣгнуть къ силѣ для отмщенія за оскорбленіе, нанесенное флагу одной изъ эскадръ, хотя, по внушенію челоуколюбія, имъ прискорбно будетъ принять сіе послѣднее рѣшеніе, возлагая отвѣтственность въ томъ на кого слѣдуетъ.

«Примите и проч.

Главнокомандующіе союзными эскадрами Англіи и Франціи,
вице-адмиралы (подписали): *Гамеленг. Дундасъ.*

Его пр. г. губернатору города Одессы.»

торамъ и на Молдаванку. Повозки на волахъ и лошадяхъ тащили пожитки, мебель, товары изъ магазиновъ. Брички, дрожки, коляски и кареты скакали во весь опоръ. Между ними безпрестанно проносились верховые, козаки, фронтные офицеры, адъютанты и полицейскіе. Торопливость и суета были общія.

Надобно замѣтить однако, что, при этомъ переселеніи жителей и ускоренномъ движеніи на улицахъ, въ городѣ не было ни какаго безпорядка со стороны черни, ни даже никакаго покушенія къ тому. По прошествіи нѣсколькихъ дней, когда все успокоилось, многіе сознавались, что они никакъ не предполагали, чтобы въ столь смутное время могла сохраниться такая безопасность личностей и собственности, какая оказалась тогда въ Одессѣ, въ положеніи, въ какомъ случается быть не каждому городу. Въ этотъ день, словно какая-то безсознательная увѣренность въ безопасности и въ дѣйствительности, принятыхъ начальствомъ, мѣръ двигала всѣми и позволяла довѣрять каждому простолюдину. Послѣдствія блестящимъ образомъ оправдали эту увѣренность.

Была половина 7-го. Солнце клонилось къ западу. Ночи въ это время были безлунныя. Темнота, которая, быстро ложилась на землю, какъ-бы предупреждала мракъ душевный, казалось, шла ему на встрѣчу и мѣшалась съ темными мыслями о завтрашнемъ днѣ. Пѣмое чувство неизвѣстности застыло, охолодѣло у всѣхъ въ груди и водворяло молчаніе. Въ самомъ дѣлѣ, тишина и наружное спокойствіе города были поразительны. Между тѣмъ,

съ приближеніемъ ночи, нельзя было ожидать какихъ либо непріязненныхъ дѣйствій. Потому, часть пѣхоты расположенной на позиціяхъ, была распущена. Тутъ замѣтилъ я, что многіе изъ русскихъ жителей надѣялись рядовыхъ деньгами и, разумѣется, серебряными. Только площадь Михайловскаго монастыря занята была уланами артиллеріей и отрядомъ пѣхоты.

Пришедъ къ себѣ, я нашелъ, что мой слуга, уже узнавшій о непріятельскихъ угрозахъ, укладывалъ остальные вещи. Еще на прошлой недѣлѣ, въ субботу, 3-го апрѣля, т. е. около того времени, когда перевезли присутственныя мѣста, отправилъ я свои книги и кое-какія вещи на Молдаванку, предместье, которое, изъ всѣхъ мѣстностей Одессы, всего болѣе отдалено отъ моря. По этому, на квартирѣ оставалось у меня не многое. Изъ этого-то немногаго, кое-что велѣлъ я отнести подале, къ одному знакомому, живущему у лютеранской церкви. Самъ же отправился я на Ришельевскую къ своему товарищу, Б.

На прошлой недѣлѣ, послѣ прихода трехъ пароходовъ, всѣ мы, братія по Московскому университету, согласились сойтись у Б., въ томъ случаѣ, если бы положительно заговорили о бомбардированіи города, — когда полетятъ бомбы, удалиться всей семьей куданибудь. Пришедъ съ непріятнымъ извѣстіемъ къ своему товарищу, я засталъ его за чаемъ и, по условію, остался почевать. Явились и другіе, и въ разговорѣ просидѣли часа три. Было уже 11-ть часовъ ночи. Между

тѣмъ, я вспомнилъ, что клубъ, обыкновенно закрытый по вечерамъ на послѣднихъ дняхъ страстной недѣли, теперь, по обстоятельствамъ, открытъ для бесѣды и газетъ. Потому, вдвоемъ съ Б., отправились мы поразвѣдать — не узнаемъ ли еще чего.

Ночь была совершенно темна. Фонари горѣли ярко. На улицахъ — никого, кромѣ экипажей, которые вскачь проносились намъ на встрѣчу, очевидно за городъ. Сначала шли мы пѣшкомъ, потому что биржевыхъ дрожекъ не было. Не успѣли мы отойти отъ дома шаговъ семидесяти по Ришельевской, какъ насъ остановилъ караульный обходъ съ распросами: кто, откуда, куда, за-чѣмъ? Нѣсколько дальше, опять обходъ и допросы. Насъ и тутъ пропустили, но два какихъ-то простолюдина были остановлены. Надобно замѣтить, что въ этотъ день, приказомъ военначальствовавшаго, городъ Одесса объявленъ былъ уже въ осадномъ положеніи. Вскорѣ однако попался извозчикъ. Мы поѣхали. Въ клубъ никого не было. Только люди выносили мебель, серебро и другія вещи въ подвалы. Тутъ ничего, разумѣется, узнать нельзя было, и мы отправились дальше. Дорогою, извозчикъ сказалъ намъ, что только-что отвозилъ какого-то офицера на дачу генерала Лидерса, гдѣ въ это время былъ баронъ Остенъ-Сакенъ. На бульварѣ, темень страшная: въ окнахъ опустѣлыхъ домовъ огней нѣтъ, фонари не зажжены и только пѣхота и артиллерія на позиціи. Проѣхали мы еще по Дерибасовской улицѣ. Здѣсь, у большой аптеки, конечно, одной изъ замѣчательнѣйшихъ

и богатѣйшихъ во всей Россіи, нашли мы ея хозяина, К.: завернувшись въ черный плащъ, бродилъ онъ по тротуару одинокій, въ раздумьи, подобаясь гамлетовскому стражу на часахъ. Бочекъ и ящиковъ съ матеріалами банокъ, склянокъ и проч. не вынесешь такъ легко. Онъ ничего новаго сказать не могъ, а подтвердилъ только то, о чемъ уже говорилъ весь городъ. Мы воротились домой.

Въ городѣ все было тихо и глухо. Только по времени экипажи стучали по мостовой и, своимъ грохотомъ и дребезжаніемъ колесъ, напоминали о суетливомъ движеніи въ вечеру, которое теперь пріутихло. Этотъ грохотъ не позволялъ веждамъ сомкнуться; да мнѣ и безъ того не спалось, потому что я поздно всталъ въ этотъ день. Рѣшившись совсѣмъ не спать, закурилъ я сигарету, вышелъ на балконъ и сѣлъ на стулъ. Было два часа. Кой-гдѣ въ окнахъ горѣли еще огоньки. Экипажи все еще проносились изрѣдка. Проѣхала и какая-то громадная фура. Но все было тихо и безмолвно. Эта тишина вѣднчилась въ душу какимъ-то неслышимъ, но устремляющимъ говоромъ. Ожидали бомбардированія всѣмъ флотомъ. Потому, это мертвенное затишье, въ противоположности съ свирѣпствомъ ядеръ и бомбъ, съ разгаромъ огня и опустошенія, — что все должно было начаться съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, — казалось чѣмъ-то грозно-предвѣщающимъ, близкой тучей бѣдствія и пожара. Наконецъ все смолкло, огни погасли. Я задремалъ, покидая стула.

Страстная суббота, 10 апрѣля.

Въ пятомъ часу утра, разбудилъ меня звонъ въ церкви Михайловскаго монастыря. Вскорѣ разсвѣло. Начали звонить и въ другихъ церквахъ. Утро было ясное и свѣжее. Вътерокъ едва колыхалъ вѣтви, еще не распустившихся акацій. Я взглянулъ вдоль улицы: всюду тишь и молчаніе, какъ бываетъ и всегда рано утромъ. Тутъ невольно приходилъ въ голову вопросъ: что-то будетъ въ этотъ день? Никогда тишина не казалась предвѣстницей болѣе страшной бури. Я вышелъ отъ Б. и пошелъ на бульваръ. На улицахъ народъ уже показывался. Явилось утреннее движеніе. Дворники мели мостовую; кухарки шли на рынокъ. Изрѣдка проходилъ кто-нибудь въ гражданскомъ платьѣ. Все, въ буквальномъ смыслѣ, сохраняло обычный видъ. Но это обычное, спокойное движеніе казалось чѣмъ-то загадочнымъ, при мысли о бомбардированіи, котораго можно было ждать съ минуты на минуту. У католической церкви, встрѣтилъ я А. П. Н., который спѣшилъ куда-то. Тутъ-же подъѣхалъ частный приставъ. А. П. спросилъ его: гдѣ баронъ Остенъ-Сакенъ? они повертели и поѣхали отыскивать генерала. Я вспомнилъ слова извозчика и впоследствии узналъ, что въ самомъ дѣлѣ, баронъ провелъ эту ночь на дачѣ генерала Лидерса, вблизи отъ батареи № 1, откуда могъ онъ постоянно слѣдить за движеніями союзнаго фло-

та. Въ это-же время пронеслась коляска. Въ ней сидѣлъ генераль. По выраженію лица, можно было замѣтить, что малѣйшія подробности на улицахъ занимали его. Это былъ генераль-адъютантъ Н. Н. Анненковъ, который только-что прибылъ изъ С.-Петербурга въ Одессу и спѣшилъ къ барону Остенъ-Сакену. По прибытіи своемъ въ нашъ городъ, его превосходительство немедленно вступилъ въ управленіе Одессой и краемъ. Повсюдное присутствіе его и строгія мѣры и распоряженія, принятія имъ въ самомъ разгарѣ смутной поры въ Одессѣ, имѣли благотѣльное слѣдствіе и во многомъ содѣйствовали тому ходу внутренней жизни города, котораго, по истинѣ, никто у насъ не ожидалъ.

На бульварѣ я нашелъ уже нѣсколько человекъ; но войско, которое видѣлъ я на немъ ночью, было выведено отсюда. Солнце, въ торжественномъ сіяніи, раскидывало свои лучи по яркой голубизнѣ неба. Море покорное ему, было тихо. Волны его плескали и серебрили свою лазурь отблескомъ солнечныхъ лучей. Линейные корабли не подымали парусовъ, но пароходы дымилась. Лодки рѣяли между кораблями. Въ соединенныхъ эскадрахъ замѣтно было приготовленіе. Казалось, непріязненные дѣйствія начнутся пароходами. Было что-то спокойно-величавое въ этой картинѣ и душа готова была наслаждаться и свѣтлымъ небомъ, и моремъ, и видомъ громаднаго флота на открытыхъ водахъ; но невольная грусть, ядовитой змѣйкой, пробралась въ нее и отравляла полноту наслажденія. Подобно укоризнѣ, глубоко запада-

ющей въ душу, на умъ приходила все таже, простая мысль, что Одесса такъ недавно еще кипѣла всѣмъ разгаромъ своей торговли, что-бы пересылать нашу пшеницу въ Лондонъ и въ Марсель, а теперь, лицомъ къ лицу, встрѣчаетъ враждебный флотъ Англій и Франціи, которыя, Богъ знаетъ съ чего, шлютъ на нее свои адски-ухищренныя, пороховые снаряды и, какъ бы не желая признать въ насъ своихъ братій по Христу, шлютъ въ день, когда Церковь Христова совершаетъ память гроба Господня.¹⁰⁾ Склонившись отъ наслажденія утреннимъ морскимъ видомъ къ этой грустной и очень естественной мысли, я оставилъ бульваръ, на которомъ съ этой минуты не было уже до самого вечера. Я пошелъ къ заутрени, въ соборъ.

Было 6 часовъ. Уличное движеніе и дѣятельность увеличились. Показались пѣшеходы, повозки съ поклажей, брички, дрожки, но незанятой извозчикъ нигдѣ не попадался. Встрѣчалось даже болѣе народа, нежели бываетъ обыкновенно въ эту пору. Во всѣхъ однако, кто ни попадался мнѣ тутъ навстрѣчу, замѣтна была торопливость. Подошедъ къ соборной площади, я увидѣлъ, что вся она занята войсками на позиціи. Еще нѣсколько отрядовъ находилось у Михайловскаго монастыря и въ другихъ мѣстахъ¹¹⁾. На соборной площади, перегналъ меня верховой

¹⁰⁾ Замѣчательно еще, что 10-го апрѣля 1821 г., когда въ этотъ день приходилось свѣтлое Христово Воскресенье, святѣйшій патріархъ Григорій претерпѣлъ мученическую смерть въ Константинополѣ.

¹¹⁾ 10-го апрѣля, въ Одессѣ находились слѣдующія войска: жандармская команда 3-го пѣхотнаго корпуса, уланскіе эрцъ-герцога Карла-Фердинанда

козакъ, который отыскивалъ кого-то. Стоявшій возлѣ штабъ-офицеръ остановилъ его и взялъ изъ рукъ у него записку. Это было одно изъ распоряженій корпуснаго командира. Штабъ-офицеръ началъ было читать записку вслухъ, но я услышалъ только слова: «По первому выстрѣлу непріателя»... Остальное прочтено было про-себя. И такъ, дѣло рѣшенное, — подумалъ я, — бой не на жизнь, а на смерть.

У соборной паперти, стояло нѣсколько экипажей. На ней и въ самомъ храмѣ было много народа. Священно-дѣйствовалъ Преосвященный. Хожденіе съ плащаницей уже окончилось. Миѣ сказали, что только-что пріѣзжалъ баронъ Остенъ-Сакенъ прикладываться къ плащаницѣ и испросить благословенія. Служеніе, между тѣмъ, шло къ концу, и когда Преосвященный произнесъ отпускъ и началъ снимать мантию, послышался первый выстрѣлъ. Это было въ половинѣ 7-го. За нимъ другой, третій и завязалось дѣло. Выстрѣлы, сперва слѣдовавшіе медленно одинъ за другимъ, становились потомъ все чаще и чаще.

австрийскаго и графа Никитина полки, резервные и запасные батальоны егерскихъ полковъ: Томскаго, Колыванскаго, Украинскаго, Одесскаго, Подольскаго и Житомирскаго и мушкетерскихъ полковъ Азовскаго и Днѣпровскаго (резервный въ Лустдорфѣ); *) Конно-легкія батареи №№ 11 и 20; резервные батарейныя батареи №№ 10 и 13; резервные легкія батареи №№ 14 и 15., сводная батарея 14-й полевой артиллерійской бригады; двѣ сотни Дунайскаго казачьяго № 2 полка. Прислуга, находившаяся на одесскихъ береговыхъ батареяхъ, — отъ пѣхоты, полевой и гарнизонной артиллеріи. (См. печатный приказъ военнаго начальника отъ 28 апр. № 32).

*) Всего 16 батальоновъ пѣхоты.

Изъ собора, по близости, зашелъ я еще къ себѣ на квартиру; второпяхъ написалъ письмо въ Москву, къ С. П. Ш-ву, въ отвѣтъ на полученное мною на каунѣ, и отправился сперва на почту, а потомъ къ Б. Замѣчательно, что совершенная близость къ мѣсту сраженія не произвела въ городѣ не-только никакихъ безпорядковъ, которыхъ многіе ожидали, но и никакой суматохи. Все шло, какъ будто дѣло ни до кого не касалось, хотя, повторяю, заботливость и торопливость видны была во всѣхъ. Каждый притомъ былъ серьезенъ и занятъ, разумѣется, одной мыслию. Двери на почтѣ были заперты. Да и не наставало еще время ихъ обычнаго открытія. Потому, письмо опустилъ я въ ящикъ. Въ послѣдствіи, узналъ я, что почтовую контору въ это утро перевели на дачу г. Рентеля, по близости отъ ботаническаго сада, откуда перевели ее обратно въ городъ въ поне-дѣльникъ, 19-го апрѣля. Само собою разумѣется, что переписка въ эти дни, не менѣе дѣятельная, какъ и прежде, имѣла уже не коммерческій характеръ.

По дорогѣ въ почтовую контору, увидѣлъ я первыя бомбы и гранаты. Онѣ разражались по близости отъ лица и вообще на, такъ называемомъ, Греческомъ, до новой еврейской синагоги. Далѣе, въ это время, онѣ не достигали. Бѣольшая часть изъ нихъ притомъ или со всѣмъ не разрывались, или разрывались въ воздухъ, оставляя по себѣ бѣлое облачко, которое фантастически рисовалось на голубомъ небѣ.

Едва успѣлъ я придти къ своему товарищу, какъ мимо насъ по Ришельевской пронеслась пожарная ко-

манда второй части. Въ это время, отъ разорвавшейся бомбы, загорѣлся сѣнникъ въ домѣ князя М. С. Воронцова. Пожаръ былъ немедленно потушенъ, но пожарныя команды всѣхъ частей оставались цѣлый день въ полной готовности на мѣстахъ, подвергавшихся бѣльшей опасности. Генераль-адъютантъ Н. Н. Анненковъ, и одесскій военный губернаторъ генераль-лейтенантъ Н. И. Крузенштернъ, который дѣятельно распоряжался всѣми мѣрами къ сохраненію внутренней безопасности и порядка въ городѣ, съ первыхъ минутъ обратили строгое вниманіе на дѣйствія этихъ командъ и обезпечили спокойствіе жителей Одессы, въ этомъ отношеніи. Пожару не дали бы распространиться.

Немного погодя, я вышелъ на улицу. Здѣсь, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій, собрана была партія рекрутъ, подъ начальствомъ какого-то стараго унтеръ-офицера. Надобно замѣтить, что полки 16-й дивизіи, шедшіе въ Одессу изъ Москвы, въ это время были еще далеко отъ насъ. Они пришли уже послѣ святой недѣли. Одесскій гарнизонъ, кромѣ уланъ и артиллеріи пѣшей и конной, состоялъ изъ резервной пѣхоты. Подошедъ къ командѣ, я началъ разговоръ. «Кабы въ тѣшки — дѣло бы иное,» сказалъ мнѣ, между прочимъ, одинъ новобранецъ, у котораго, помнится, и волосъ не было на бородѣ.

Между тѣмъ, къ половинѣ 9-го часа, вѣтеръ поднялся и началъ замѣтно усиливаться. Онъ дулъ съ юго-запада и уносилъ звуки пушечной пальбы отъ города, такъ что они раздавались въ немъ не во всей силѣ и

глухо. Бомбы продолжали летать на городъ и, кажется, онѣ то произвели, что онъ внезапно и замѣтно началъ пустѣть. Тутъ-же довольно смѣло заговорилъ ко мнѣ какой-то жидъ-пролетарій. Я видѣлъ въ глазахъ его злобную радость и, разумѣется, ничего не отвѣчалъ на его слова. Около него вскорѣ собралась кучка, но подошедшій полицейскій чиновникъ прикрикнулъ на нихъ словами: «вы чтò тутъ?» и кучка разошлась.

Въ это время, въ домѣ моего товарища, выкладывались и переносили вещи въ подвалъ. При этомъ игралъ я роль совершенно излишнюю; а, признаюсь, полу-опасность, равно какъ и всякія полумѣры, не въ моемъ характерѣ. Оставалось выбрать одно изъ двухъ: или идти прямо на бульваръ, оставаться празднымъ зрителемъ, подъ выстрѣлами англо-французовъ, и ждать, что какой-нибудь обломокъ гранаты попадетъ въ тебя и изувѣчитъ, — при чемъ каждый нашель-бы эту отвагу любопытства прямой глупостью, — или искать мѣста, открытаго на сраженіе и безопаснаго. Тутъ увидѣлъ я книгопродавца С., который на телегъ отправлялся за городъ. Тутъ-же, на встрѣчу вѣхала другая телега, порожняя. Я сторговалъ извозчика за три рубля серебромъ и отправился версты за три отъ центра города, на новую слободку, откуда видны были дѣйствія непріятельскихъ пароходовъ.

Я поѣхалъ черезъ старый базаръ, и какъ со мною не было серебра, а извозчикъ не имѣлъ чѣмъ сдать, то пришлось отыскивать мѣнялу, чтобы размѣнять деньги. На базарѣ, лавки были закрыты. Съѣстные припасы, при-

везенные поутру изъ-за города, кое-гдѣ оставались еще на лоткахъ, но покупателей не было. Вообще, народу попалось немного. Да и на прочихъ улицахъ, мало по малу, обезлюдѣло совершенно. Кое-какъ отыскалъ я какого-то еврея-мѣнялу, который, не смотря на то, что была суббота, согласился удовлетворить моему желанію. Только, за размѣнъ пяти-рублевого, кредитнаго билета на мелкую монету, запросилъ онъ съ меня полтора рубля серебромъ. Я началъ усовѣщивать его и торговаться. Подъ конецъ, онъ спустилъ цѣну размѣна на рубль серебромъ. И это было однако неимовѣрно дорого. Впрочемъ, я узналъ потомъ, что, съ вечера 9-го числа до самого отхода непріятельскаго флота изъ нашего залива, т. е. по 13-ое апрѣля, цѣны на размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету были очень высоки. Это потому, что всѣмъ нужны были мелкія деньги, а мѣнялы пользовались усиленнымъ требованіемъ. Не размѣнявъ денегъ на старомъ базарѣ и вспомнивъ, что на слободкѣ можно сдѣлать это дешевле, я отправился далѣе.

Едва выѣхалъ я за вѣншіе бульвары, какъ издали завидѣлъ, только что проѣхавшій, большой поѣздъ, цѣлую вереницу омнибусовъ, колясокъ и колонистскихъ телегъ. Это былъ институтъ благородныхъ дѣвицъ, который отправлялся тогда въ Вознесенскъ. Его повезли однако въ объѣздъ, на тираспольскую таможену, а не на херсонскую; потому, разумѣется, что, въ последнемъ случаѣ, т. е. при проѣздѣ по Пересыпи, англо-французы могли бы замѣтить его со своихъ кораблей, принять за что нибудь

особенное и безтолку разразиться въ экипажи картечью и ядрами. Велѣдъ за выѣздомъ дѣвицъ, въ зданіе института переведены были канцелярія генералъ-губернатора, а, немного погодя, и пансіонеры Ришельевского лицея и, состоящей при немъ, гимназіи. Канцелярія оставалась тутъ до половины іюня, потому что, занимаемый ею, домъ г. Маразли, на бульварѣ, требовалъ исправленія, послѣ непріятельскаго бомбардированія. Воспитанники же лицея оставались въ зданіи института до ухода непріятельскихъ судовъ. За институтомъ, солдатъ опросилъ меня: кто и куда? Тоже сдѣлано было и съ другими, которые шли и ѣхали по дорогѣ со мной. Только, одинъ какой-то не совсѣмъ порядочно одѣтый, ѣхавшій на бричкѣ, думалъ было ускакать отъ солдата; но этотъ бросился, догналъ его и остановилъ. Послѣ того, безъ всякихъ особенныхъ встрѣчъ и приключеній, но подъ гуломъ непріятельскихъ выстрѣловъ, которые отсюда были уже слышнѣе, пріѣхалъ я на новую слободку.

Тутъ, по случаю, размѣняли мнѣ даромъ уже втрое болѣе билетовъ и я расплатился съ извозчикомъ. Нашедъ удобное помѣщеніе, я пригласилъ съ часикъ, а послѣ того отправился на другую сторону слободки, откуда лучше могъ видѣть дѣйствія пароходовъ. Трава, не смотря на позднюю, весеннюю пору, только показывалась, и я спокойно расположился было на землѣ смотрѣть на, происшедшее въ глазахъ моихъ, сраженіе, какъ вскорѣ, собравшаяся вблизи отъ меня, толпа людей привлекла мое вниманіе. Это были нѣкоторые изъ жителей новой сло-

бодки, мѣщане и отставные солдаты. Между ними находились и торговцы, имѣющіе свои лавочки съ разнымъ мелочнымъ товаромъ на практической гавани. Двое изъ нихъ только-что возвратились съ этой гавани и были, казалось, лучшими свидѣтелями того, что происходило на ней. Тутъ однако живьемъ увидѣлъ я, какъ возникаютъ и распространяются въ простомъ народѣ самые ложные и нелѣпые слухи и толки. Пришедшіе съ гавани рассказывали между прочимъ, что будто половина бульвара уже въ развалинахъ, а домъ князя М. С. Воронцова весь обвалился. Бульваръ заслоненъ береговымъ возвышеніемъ отъ новой слободки, которая представляетъ открытый видъ только на заливъ. Потому, признаюсь, съ перваго раза, я повѣрилъ было словамъ тѣхъ, которые, по-видимому, были лучшими свидѣтелями и очевидцами.

Да и трудно было не повѣрить, слыша непріятельскіе выстрѣлы, которые то шли по одиначкѣ и становились рѣже, то вдругъ учащались и гремѣли залпами. Нельзя представить себѣ, съ какимъ адскимъ грохотомъ и трескомъ они раздавались. Неистовство это усилилось особенно въ 12-мъ часу. Казалось, это былъ хохотъ самого дьявола, который изрыгалъ имъ свои бѣснованія и потѣшался. Въ минуты этихъ учащенныхъ выстрѣловъ, стоявшіе возлѣ клали крестное знаменіе на перси. И самъ я слѣдовалъ ихъ примѣру. Въ городѣ, выстрѣлы съ англо-французскихъ пароходовъ, какъ уже замѣчено выше, не были слышны съ такой, какъ здѣсь, раздражающей душу, ясностію, потому что юго-западный вѣтеръ сносилъ ихъ въ противную

сторону, къ Пересыпи. Воображаю, какое впечатлѣніе должны были производить эти выстрѣлы на тѣхъ, кто, выѣхавъ изъ города и оставивъ въ немъ близкихъ сердцу, принужденъ былъ все-таки слышать ихъ. Такимъ образомъ, въ послѣдствіи, я не могъ безъ участія слушать рассказъ одной матери, которая, по обстоятельствамъ, должна была выѣхать изъ Одессы въ Вознесенскъ и оставить въ ней замужнюю дочь съ дѣтьми. Отъ томъ, какое впечатлѣніе производили на нее эти выстрѣлы, которые слышала она съ первой станціи по Московской почтовой дорогѣ, могла передать только сама она, сама мать. Говорили еще, будто пушечный гулъ былъ слышенъ даже въ Херсонѣ и будто въ долинахъ по Тилигулу, рѣчкѣ, текущей между Одессой съ одной и Николаевомъ и Вознесенскомъ съ другой стороны, въ продолженіе всего слѣдующаго дня, (воскресенье, 11 апрѣля), запахъ пороховаго дыму носился еще въ воздухѣ. Не знаю, справедливо ли все это, но сила и ярость вражьихъ выстрѣловъ придаютъ этимъ извѣстіямъ нѣкоторую достовѣрность. Съ нашей стороны, напротивъ того, выстрѣлы, производимые изъ орудій несравненно меньшаго калибра, не имѣли такой громкой, трескучей звучности и, уносимые вѣтромъ, слышались глухо. Притомъ раздавались они по одиначкѣ и рѣдко. Причины этого послѣдняго обстоятельства я не могъ понять.

Надобно прибавить тутъ, что разсвирѣпѣвшій вѣтеръ несъ громадныя облака пыли изъ города на нашихъ враговъ. Зрѣлище было страшное: казалось, двѣ стихіи, огонь

Будто
2030
2117

Р

НАУКОВА БИБЛИОТЕКА

и воздухъ, неистовствовали въ вихряхъ бури. Мрачное небо какъ-бы спустилось и повисло надъ землею, а море, въ негодованіи, подымало волны, рвалось и было темно. Ужась и смятеніе — и въ людяхъ, и въ природѣ.

Что происходило между тѣмъ въ городѣ? Бѣльшая часть жителей, сколько нибудь достаточныхъ, оставили его и перебрались на Молдаванку, одни еще по утру, другіе въ обѣдъ, третьи къ вечеру, такъ что онъ пустѣлъ все болѣе и болѣе. Молдаванка-же представляла странную противоположность своихъ бѣдныхъ домовъ и хижинъ съ толпою мужчинъ и дамъ, одѣтыхъ въ городское платье и по модѣ. Многіе изъ здѣшнихъ французовъ гурьбой перебрались на фабрику стеариновыхъ свѣчей, къ Питансье, такъ что тутъ составила особая, маленькая колонія. Въ самой Одессѣ, изрѣдка только слышенъ былъ стукъ колесъ, или виднѣнъ пѣшеходъ. Въ иныхъ однако домахъ, не смотря ни на что, пекли куличи, дѣлали пасхи, варили и красили яйца. Вообще, по крайней мѣрѣ въ бѣльшей части оставшихся въ городѣ, не было прямого страха и тѣмъ менѣе отчаянія или воплей. За-то почти во всѣхъ господствовало чувство какого-то тупаго, боязливаго недоумѣнія. Отъ этого чувства не совсѣмъ свободны были и кучки народа, которыя, съ самого утра, расположились на бульварѣ и всюду по прибрежной возвышенности, гдѣ только позволяла мѣст-

ность, не занятая дворами и жильемъ, чтобы смотрѣть и слѣдить за сраженіемъ.

Были и такіе, которые сохраняли совершенное спокойствіе духа. Такимъ образомъ, баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ, наблюдая за ходомъ боя на бульварѣ, замѣтилъ, что одна дама, подъ-руку съ мужчиной, проходила спокойно мимо него. Генераль, подошедъ къ ней, спросилъ: «неужили вы, сударыня, не боитесь?» — Развѣ я не русская? — отвѣчала на слова его незнакомка, вопросомъ-же съ своей стороны. Это была дѣвица Видманъ, дочь бывшего казначея въ здѣшней думѣ, съ отцемъ своимъ. Рассказываютъ и много другихъ случаевъ удалства и народной отваги нашей въ этотъ день. Не успѣвала, напримеръ, упасть неразорвавшаяся бомба, какъ мальчишки бѣжали къ ней, подымали и относили ее къ генераламъ барону Д. Е. Остенъ-Сакену и Н. Н. Анненкову, которые давали имъ деньги за эти приношенія. По этому, за обладаніе такой бомбой, дѣло доходило иногда до споровъ и драки. Еще: иной мужичекъ, лежа на муравѣ, зеленѣвшей кое-гдѣ по отлогости, подшучивалъ надъ англичанами, хулилъ ивые выстрѣлы, подтрунивалъ, а другіе одобрялъ.

Въ разныхъ частяхъ города, на площадяхъ и по улицамъ, расположены были войска на позиціяхъ. Тутъ многіе изъ русскихъ жителей явили примѣръ истиннаго усердія и любви къ ближнему. Преосвященный Иннокентій послалъ закупить, гдѣ можно было, хлѣба и разныхъ припасовъ и отправилъ все это по батареямъ. Кто чѣмъ

могъ, надблялъ рядовыхъ. Одесскіе купцы, братья Посоховы, извѣстные у насъ своими патриотическими чувствами, сдѣлали также много добра въ это время. Цѣлый день Иванъ и Андрей Михайловичи Посоховы развѣзжали по позиціямъ и раздавали солдатамъ воду, щи въ котлахъ, говядину и горячее вино. Тоже дѣлали и нѣкоторые другіе граждане. Это сказывали намъ офицеры, очевидцы добраго дѣла¹²⁾. Какая-то нѣмка, хлѣбница и кондиторша, напекла къ свѣтлому празднику куличей и такъ какъ много ихъ не пошло у нея въ продажу, роздала свои кондиторскіе куличи солдатамъ, простодушно уговаривая ихъ, при этомъ, подѣлиться поровну и не обижать другъ друга.

Въ 11 часовъ, въ соборъ и въ другихъ церквахъ, заблаговѣстили къ литургіи. Собрался народъ. Молящіяся съ чувствомъ вѣры и теплой молитвы, творили поклоны и прикладывались ко гробу Господню. Грохотъ неприятельскихъ выстрѣловъ, усилившійся въ это время, не возмущалъ умиленнаго спокойствія въ душахъ. Въ соборномъ храмѣ, священнодѣйствовалъ Преосвященный. Его мысли и чувства устремлены были къ Престолу Божию. Его невозмутимая твердость духа не поколебалась и въ то время, какъ, подъ конецъ литургіи, среди переката выстрѣловъ, раздавался одинокій, громовый звукъ

¹²⁾ Отличился еще ученикъ 6 класса одесской второй гимназіи, Иванъ Бодаревскій. Подъ огнемъ неприятельскихъ выстрѣловъ, онъ носилъ воду на батареи, и, изъ дому отца своего, приносилъ солдатамъ, стоявшимъ на постахъ, хлѣбъ, квасъ и горячее вино.

и гулъ, потрясли двери храма, заколебались паникадила и лопнули стекла въ куполѣ. Стоявшіе на паперти видѣли при этомъ большое, бѣлое облако пороховогао дыму. Оно поднялось надъ прибрежной возвышенностью, стояло нѣсколько секундъ неподвижно и потомъ разнесено было вѣтромъ. Это былъ взрывъ пороховыхъ ящиковъ на щеголевской батарее. Ужасъ объялъ было народъ, стоявшій во храмѣ; но предстоящій гробъ Господень, спокойствіе пастыря-первосвященника, прежній благоговѣйный ходъ служенія и согласныя, стройныя молитвословія преобразили этотъ ужасъ въ тихое, скромное успокоеніе. Въ сердцахъ обновилось чувство, вызванное, за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, пѣснію клира: «Да молчитъ всякая плоть человѣка и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ, и ничто-же земное въ себѣ да помышляетъ. Царь бо царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися и датися въ снѣдь вѣрныхъ.»

При заключеніи священнослуженія, Архипастырь произнесъ слово. Таинства Церкви и адскій напоръ поругателей ея святыни вдохновили преосвященнаго витію. Онъ говорилъ :

«Тяжкая година надъ нами, братія! — О градъ нашъ со всею точностію можно сказать теперь словами св. Давида, *яко врази наши обышедше обыдоша насъ, яко пчелы сотъ, и разгорѣшася, яко огнь во терніи* (Псалм. XVII, 12). То самое море, которое доселѣ обыкло приносить намъ прохладу и всѣ выгоды жизни, обратилось теперь въ бездну огнедышущую, изъ коей несутся на насъ молніи и громы.

«Но будемъ-ли унывать и смущаться безотрадно? Нѣтъ: у животноснаго гроба Спасителя для христіанина не страшень самый адъ, а это еще развѣ одна слабая тѣнь его. *Аще пойду*, говоритъ св. Давидъ, *посредѣ тѣмь и снѣи смертныя, не убоюся зла*. Почему? *Яко ты, Господи, со мною еси* (Псал. XXII. 4.). Важно посему не то, что происходитъ теперь, а то, съ кѣмъ теперь Господь: съ нами, или съ врагами нашими. Но, можетъ ли Господь быть съ тѣми, кои воздвигли брань противу насъ, за враговъ креста Христова? Можетъ-ли Господь быть съ тѣми, кои, будучи сами христіанами, не устали сихъ великихъ и священныхъ дней и дерзнули возмущать столь нечестивымъ образомъ смертны покой Спасителя своего во гробъ? — Нѣтъ, если есть кто со врагами нашими, то развѣ Веліаръ *) и Магометъ, за темную державу коего они возстали на насъ; а Господь всеблагій съ нами, кои, аще нечисты и грѣшны есмы, но подвигаемся во славу пресвятаго Имени Его, сражаемся не за наши какія либо выгоды, а за Вѣру православную, за гробъ Господень и за угнетенныхъ собратій нашихъ по Вѣрѣ...»

Слово свое Преосвященный заключилъ обращеніемъ къ священству, вмѣстѣ съ нимъ служившему въ этотъ часъ предъ олтаремъ Господнимъ. «А вы, возлюбленные сослужители наши, столь бодрственно доселѣ стояшіе съ нами на духовной стражѣ у креста Христова, удвой-

*) Веліаръ — начальникъ тѣмь; выраженіе библейское.

те и утройте усердіе и попеченія ваши, дабы, къ наступающей священно-таинственной ночи, все было уготовано по чину церковному, *да не речетъ врагъ града нашего: укрѣпился на него* (Псал. XII, 5). Пусть возлюбленный Женихъ душъ, имѣющій въ полночи изыти изъ гроба, яко изъ чертога, найдетъ всѣхъ насъ бдящими и, со свѣтильниками въ рукахъ, готовыми къ прославленію Его, воскресшаго и съ собою вся совоскресившаго. Аминь.» По окончаніи литургіи, Преосвященный послалъ съ ключаремъ собора, протоіереемъ Знаменскимъ благословенные хлѣбы къ барону Д. Е. Остенъ-Сакену, Н. Н. Анненкову и ихъ храбрымъ сподвижникамъ.

Между тѣмъ, послѣ взрыва пороховыхъ ящиковъ, выстрѣлы сдѣлались рѣже и вскорѣ все стихло: сраженіе прекратилось на-время.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ ¹³⁾.

Прежде, какъ расположены и вооружены были наши батареи? Первая изъ нихъ, № 1, — о 6-и двухпудовыхъ мортирахъ и 2-хъ однопудовыхъ единорогахъ, сооруже-

¹³⁾ Написано на основаніи приказовъ военнаго начальника барона Остенъ-Сакена отъ 11 и 14 апрѣля, за № 6 и 22 (Од. Вѣст. 1854. № 40) и показаній офицеровъ, участвовавшихъ въ сраженіи, штабсъ-капитановъ Щеголева, Раецкаго и Полякова, поручика Волошинова и подпоручика Винокурова. Они-то сообщили всѣ подробности.

жена была на прибрежномъ возвышеніи, на-лѣво отъ съѣзда въ-низъ, на дачу графини Ланжеронъ, тыломъ къ чумному кварталу; вторая, № 2 — о 6-и двадцати-четырёхъ фунтовыхъ пушкахъ, на возвышеніи, устроенномъ на купеческомъ или карантинномъ молѣ, за самымъ входомъ въ него, лицомъ къ открытому морю; третья, № 3 — о 16 двадцати-четырёхъ фунтовыхъ пушкахъ, — на оконечности этого мола; четвертая, № 4 — о 8-и однопудовыхъ единорогахъ, — подъ бульваромъ, на-право отъ лѣстницы, на покатости береговаго возвышенія; пятая, № 5 — о 6-и двадцати четырёхъ фунтовыхъ пушкахъ, подъ бульваромъ-же, но на плоскости, подъ этимъ возвышеніемъ, тыломъ къ дому и саду кн. Воронцова; шестая, № 6, наконецъ, подъ командою прапорщика Щеголева, — о 4-хъ двадцати-четырёхъ фунтовыхъ пушкахъ, на оконечности практическаго мола ¹⁴⁾.

Въ началѣ 7 часу, по утру, неприятельскій винтовой корабль и пароходъ-фрегатъ вышли изъ своей линіи, облежавшей, съ плѣнными каботажными судами, почти весь заливъ. Корабль далъ сигналъ и, одинъ за другимъ, двинулись восемь пароходовъ-фрегатъ ¹⁵⁾. Они шли

¹⁴⁾ См. приказъ военнаго начальника отъ 11 апрѣля. (Од. В. № 40.) Батарея № 6 названа была Щеголевскою по приказу отъ этого числа, т. е. послѣ сраженія, на другой день. Мы будемъ называть ее, слѣдуя этому приказу.

¹⁵⁾ Эти восемь пароходовъ-фрегатъ, съ нѣсколькими поздне присоединившимся къ нимъ девятью, были англійскіе: Тигръ, 30 апрѣля погибшій у нашихъ береговъ, Самсонъ, Ретрибушенъ, Фюриусъ, Террибль, и французскіе — Вобанъ, Декартъ, Могадоръ и Катояъ. — Во флотъ, об-

двумя отдѣленіями: впереди — первые пять, за ними, въ нѣкоторомъ разстояніи, — остальные три. Къ половинѣ 7-го стояли они уже въ боевой позиціи, расположившись сначала между нашими батареями № № 3 и 6, т. е. напротивъ бульвара, между карантиннымъ и практическимъ моломъ. Между тѣмъ, слѣдя за этимъ движеніемъ, и баронъ Остенъ-Сакенъ, со своимъ штабомъ, оставилъ батарею № 1 и поѣхалъ на бульваръ, чтобы встрѣтить тамъ неприятеля.

Тутъ, въ шесть съ половиною часовъ, открылась перемежающаяся пальба по всей линіи и первый выстрѣлъ сдѣланъ былъ по щеголевской батарее. Тутъ-же неприятель спустилъ пять баркасовъ, которые въ то же время начали и продолжали потомъ дѣйствовать ядрами по практической гавани и по батарее, на ней находящейся. Пароходы, кромѣ бомбъ и ядеръ, метали еще кинпели, чтобы рвать снасти судовъ. Съ нашей стороны, не предполагали, да и предположить не было никакого основанія, чтобы главную цѣль вражескихъ дѣйствій составила щеголевская батарея. Потому, въ самомъ началѣ общаго боя, изъ дежурства прислали къ прапор-

лежавшемъ въ это время Одессу, находились линейные корабли, англійскіе: Британія (подъ флагомъ вице-адмирала Дундаса), Квинъ, Лондонъ, Родней, Трафальгаръ, Венженсъ, Беллерофонъ, Альбионъ, Арегуза и Агамемнонъ (подъ флагомъ контръ-адмирала Лайонса) и французскіе: городъ Парижъ, подъ флагомъ вице-адмирала Гамелена, Юпитеръ, Вальми, Баярдъ, Генрихъ IV, погибшій въ бурю 2-го Ноября 1854 г. у береговъ Крыма, Иена, Маренго, Фридландъ и Шарлеманъ. Сообщеніе между флотомъ и дѣйствовавшими пароходами, поддерживали англійскіе пароходы Гайфлайеръ и Санпарейль.

щику Щеголеву просить зарядовъ для пополненія ихъ на батареѣ № 5; но онъ счелъ себя въ-правѣ, въ отвѣтъ на эту просьбу, послать запросъ: чѣмъ-же самому ему отстрѣливаться?

Пользуясь превосходствомъ калибра своихъ орудій, особенно 68 и 98 фунтовыми, бомбическими пушками, непріятель держался въ отдаленіи, хотя разстояніе не мѣшало ему, именно по большому калибру орудій, слать бомбы и гранаты на городъ и громить наши батареи. Это однако служило причиною, что наши прибульварныя батареи, №№ 4 и 5, по отдаленности своей отъ боевой линіи, принимали мало участія въ сраженіи, хотя находились подъ непріятельскимъ огнемъ. Въ общемъ ходѣ дѣла не принимала участія и батарея № 1, коей орудія, по мѣстному положенію, обращенному къ открытому морю, не могли дѣйствовать на заливъ, гдѣ расположились пароходы. У нея были два свои особыя дѣла.

По этому, съ непріателемъ сражались болѣе другихъ прапорщикъ Щеголевъ, на лѣвомъ нашемъ флангѣ, и подпоручикъ Волошиновъ — на правомъ, первый на практическомъ, а второй на карантинномъ мѣстѣ. Оба они дѣйствовали калеными ядрами и наносили сильный вредъ непріятелю; такъ что, въ самомъ началѣ своего напора, англо-французы испытали мѣткость нашихъ выстрѣловъ: отъ одного изъ щеголевскихъ каленыхъ ядеръ, на пароходъ-фрегатъ Вобанъ, по свидѣтельству самого адмирала Гамелена, сдѣлался пожаръ и пароходъ этотъ принужденъ былъ оставить на нѣкоторое время мѣсто сраженія.

Вся сила непріятельскаго напора обращена была однако на лѣвый нашъ флангъ, противъ коего, на помощь прежнимъ, явился еще одинъ пароходъ-фрегатъ. Онъ былъ больше другихъ, вооруженныхъ по большей части 32 фунтовыми орудіями, и, кажется, это-то былъ 54 пушечный *). Явленіе его, разумеется, усилило напоръ, но не было особенно замѣтно съ нашей стороны, потому что огонь непріятельскій и безъ того уже былъ необыкновенно силенъ. Карантинная же гавань и ея батарея подвержены были огню англо-французскихъ пароходовъ только отчасти и какъ-бы въ промежуткахъ. Замѣтя это, генераль-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ, вмѣстѣ съ начальникомъ своего штаба, генераль-майоромъ Тетеревниковымъ и адъютантами, отправился на щеголевскую батарею, что-бы лично обозрѣть ее, ближе узнать дѣло и одушевить молодого ея командира. Отсюда, что-бы имѣть весь ходъ дѣла постоянно въ виду у себя, генераль возвратился на бульваръ.

Замѣчательно, что первый выстрѣлъ съ англійскаго парохода, сдѣланный по карантинной гавани, попалъ въ англійское, купеческое судно и ранилъ на немъ повара-матроса, родомъ ирландца ¹⁶⁾. Слѣдующими выстрѣлами въ ту же сторону былъ разбитъ и потопленъ нашъ спасительный баркасъ, но болѣе вреда, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ перебитыхъ и разорванныхъ снастей, здѣсь, на карантин-

*) См. Приказъ 11 апр. № 16.

¹⁶⁾ Экипажи англійскихъ и французскихъ судовъ были сняты съ нихъ нашимъ карантиннымъ начальствомъ и помѣщены въ карантинныхъ зданіяхъ но по нѣскольку человекъ было оставлено на каждомъ суднѣ.

ной гавани и на иностранных судах, сдѣлано не было. Должно предположить, что съ пароходовъ крышу нашего пассажирскаго квартала, которая снизу кажется будто лежитъ на самой прибрежной возвышенности, приняли за пороховой погребъ. По крайней мѣрѣ, ясно было, что выстрѣлы продольно направлены были противъ этой крыши. Директоръ карантинна, Н. А. Хвоцинскій, видя опасность, которой подвергаются лица, выдерживающія карантинъ, перевелъ ихъ, сохранивъ всѣ карантинныя условія, отсюда въ другое, безопасное мѣсто.

Тутъ-то, т. е. въ первую пору до-обѣденныхъ дѣйствій, бомбы чаще, нежели потомъ, падали на бульваръ, возлѣ лицея и до почты, вообще на ту часть города, которую обыкновенно называютъ «Греческое», и которая есть одна изъ лучшихъ въ немъ. Много ихъ упало въ домъ, садъ и флигеля кн. М. С. Воронцова, при чемъ зажегъ былъ здѣсь сарай съ сѣномъ; одна бомба упала въ домъ М. А. Нарышкиной и разорвавшись произвела въ одной комнатѣ страшное опустошеніе. Тутъ былъ отбитъ уголь гранитнаго пьедестала въ памятникъ герцогу Ришелье, уголь между барельефами, изображающими справедливость и промышленность. Тутъ-же смертельно раненъ былъ молодой человекъ, Стрелецкій, стоявшій на бульварѣ въ числѣ любопытныхъ.

Узнали-ли на пароходахъ, что крыша пассажирскаго квартала въ карантинѣ была не пороховой погребъ и что выстрѣлы поражаютъ тутъ ихъ-же собственныя суда, или почему другому, только стрѣльба по этому направ-

ленію вскорѣ прекратилась. Пароходы, въ этомъ мѣстѣ, обратились исключительно противъ батареи № 3. Кромѣ этой батареи, цѣлью непріятели былъ здѣсь еще небольшой, деревянный маякъ съ каланчей, устроенный для означенія входа въ карантинную гавань. Маякъ этотъ остался цѣль, но былъ разобранъ въ ночь съ субботы на воскресенье. На непріятельскій огонь, батарея № 3 отвѣчала дѣятельно и не безъ успѣха, особенно калеными ядрами. Непріятели вскорѣ однако совсѣмъ оставили ее. Только при передвиженіяхъ пароходовъ своихъ, и, подѣ конецъ, при уходѣ съ поля битвы, пароходы, вызванные нашими выстрѣлами, стрѣляли по этой батарее. И тутъ наши дѣйствія были успѣшны. Еще до обѣда у одного изъ двухъ пароходовъ, остановившихся было противъ батареи № 3 и открывшихъ по ней огонь изъ бомбическихъ пушекъ, она отбила корму. Это заставило двухъ бойцовъ отойти за пушечный выстрѣлъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ дѣйствія непріятели прекратились на батарею № 3 и какъ пароходы устремили всѣ свои дѣйствія противъ практическаго мола и щеголевской батареи, то есть въ началѣ 10-го по-утру, большой фрегатъ ¹⁷⁾ вышелъ изъ своей линіи и направился къ батарее № 1. Встрѣченный выстрѣлами съ батареями №№ 1, 2 и 3, онъ пошелъ однако на выгодную позицію, чтобы, какъ видно было, расположиться сбоку отъ батареи № 1, противъ праваго ея фаса.

¹⁷⁾ По иностраннымъ свѣдѣніямъ, это былъ фрегатъ Арегуза.

Два однопудовые единорога этой батареи были съ-банку и при томъ съ лѣваго ея фаса, а 6 мортиръ въ прямомъ направленіи и съ праваго фаса. По-тому подпоручикъ Винокуровъ, командовавшій атакованною такимъ образомъ батареею, употребилъ простую и не хитрую, но весьма счастливую операцію. По мѣрѣ передвиженій корабля, онъ поворачивалъ пешнями и ломами платформы всѣхъ мортиръ и правый изъ единороговъ: лѣвый, по условіямъ самой мѣстности, не могъ наносить вреда. Когда корабль остановился наконецъ на позиціи, подпоручикъ Винокуровъ могъ уже встрѣтить его дѣятельно и мужественно. Завязалась перестрѣлка. Корабль стрѣлялъ по батарее, но не могъ вредить ей, по ея положенію на высотѣ, между тѣмъ, какъ съ нашей стороны наносили ему существенный вредъ. Недовольствуясь обстрѣливаніемъ батареи, корабль металъ бомбы и гранаты на дачу генерала Лидерса и въ городъ, къ сторонѣ Михайловскаго монастыря. Это продолжалось минутъ сорокъ, когда корабль отошелъ обратно на общую линію непріятельскаго флота.

Щеголевская батарея, съ своей стороны, сопротивлялась мужественно и пронизывала непріятельскіе пароходы своими калеными ядрами. Быть можетъ, это обстоятельство, равно какъ и то еще, что практическая гавань, вмѣстѣ съ устроенною на ней батареею, составляла главную цѣль нападенія, было причиной, что послѣ непродолжительной стрѣльбы на батарею № 3, и тѣ пароходы, которые дѣйствовали противъ нея, присоединились также къ своимъ собратьямъ, сражавшимся съ

Щеголевымъ, такъ что вскорѣ противъ него одного всѣ девять пароходовъ-фрегатовъ обратили свои силы и открыли хотя перемежающійся сначала, но все-таки частый и сильный огонь. Тутъ стойкость и неустрашимость прапорщика Щеголева обратили на себя вниманіе барона Д. Е. Остенъ-Сакена. Движимый участіемъ къ юному офицеру, который принялъ и продолжалъ бой столь хладнокровно, онъ послалъ штабсъ-капитана Веревкина благодарить за это командира и команду батареи.

Чтобы избѣжать ударовъ съ нашей стороны, которые могли быть наносимы только изъ-за амбразуръ, пароходы-фрегаты, въ продолженіе всего боя, не оставались на одномъ мѣстѣ, а кружились. Эти безпрестанныя передвиженія пароходовъ были причиною, что прапорщикъ Щеголевъ могъ стрѣлять только въ тѣ мгновенія, когда какой нибудь изъ нихъ становился по направленію той или другой изъ амбразуръ его батареи. Юго-западный же вѣтеръ нанесъ много воды изъ моря въ заливъ и сдѣлалъ въ немъ значительное половодье. Пароходы, пользуясь этимъ и имѣя постоянно предъ собою лодки для промѣра, зашли въ глубину залива и начали дѣйствовать на батарею и гавань съ тылу, со стороны Пересыпи. Это произвело опять то, что непріятельскіе пароходы совершенно вышли изъ направленія выстрѣловъ сперва двухъ, а потомъ и трехъ орудій; такъ что, чрезъ нѣсколько времени, командиръ батареи принужденъ былъ дѣйствовать двумя орудіями, а въ послѣдствіи одною только, крайнею на лѣво, пушкою, отъ которой непріятели уже

не могли избавиться, тѣмъ болѣе, что хоть и кружились они, но тотъ или другой изъ нихъ долженъ былъ все-таки находиться въ направленіи его выстрѣловъ. Непріятель стрѣлялъ то залпомъ, то въ раздробь, и завязали такимъ образомъ неравную борьбу, которая длилась долго и съ ожесточеннымъ упорствомъ.

Дѣйствуя изъ-за нашего лѣваго фланга и почти въ самый тылъ щеголевской батареи и практической гавани, непріятельскія ядра, бомбы, кнпели и конгревовы ракеты повреждали и зажигали суда, стовшія въ этой гавани; но экипажи этихъ судовъ спасали имущество своихъ хозяевъ и не давали этимъ судамъ погибнуть до конца. Въ это время, разбита и потоплена была землечерпательная машина и повреждены нѣкоторыя другія подобнаго рода орудія. Тутъ были и два иностранныя судна, одно австрійское, другое турецкое. Первое было сильно повреждено и полу-потоплено. Второе сгорѣло до-тла, такъ что ничего спасти на немъ не успѣли. Шхиперъ-же его, турецко-подданный грекъ изъ Синопа, Яни Ламьяно и тридцатилѣтній сынъ его, Аѳанасій были убиты еще въ началѣ дѣйствія. Находящіеся въ этой-же гавани, небольшіе, казенные пароходы Андія и Днѣстръ были опущены въ воду и рангоуты сняты съ нихъ. Тоже сдѣлано было и съ, стоявшимъ тутъ-же, кинбурнскимъ пловучимъ маякомъ, командиръ коего штабсъ-капитанъ Плехановъ былъ смертельно раненъ, равно какъ и съ нѣкоторыми купеческими судами.

Черезъ три четверти часа, послѣ того, какъ па-

роходы зашли въ тылъ щеголевской батареи, непріятельское ядро подбило подъемный винтъ въ крайнемъ орудіи на правомъ фасѣ батареи, и при этомъ убитъ былъ солдатъ. Орудіе, не дѣйствовавшее по вышесказанной причинѣ, теперь уже совсѣмъ не могло быть употреблено въ дѣло. По правиламъ артиллеріи, его въ тоже время заклепали. Тутъ-же загорѣлось кульковъ 20 лаврового листа, сложенныхъ въ кучу. Этотъ лавровый листъ находился шагахъ въ 50 отъ пороховаго погреба и сгорѣлъ весь, но пожаръ отъ него не распространился. Сарай пароходной комиссіи съ разными вещами загорѣлся еще въ 9-мъ часу. Нѣсколько разъ заливали его ручными помпами при батарее, но огонь все-таки тлѣлъ въ серединѣ его. По близости этого сарая и, находившейся возлѣ него, присяжной будки ¹⁸⁾ къ пороховому погребу, еще на-канунѣ приказано было сломать ихъ, но этого какъ-то не успѣли сдѣлать. Только бѣольшая часть вещей была вынесена изъ сарая и часть его крыши разобрана. Самъ-же онъ и присяжная будка остались цѣлы. Вскорѣ послѣ того, какъ подбито было орудіе и вспыхнулъ лавровый листъ, одинъ изъ непріятельскихъ выстрѣловъ, летѣвшихъ циклопической бурей на практической молѣ и на ея батарею, попалъ въ ядрокальную печь и разбилъ ее. Стрѣльба калеными ядрами прекратилась. Оставалось дѣйствовать холодными и Щеголевъ, пользуясь

¹⁸⁾ Въ этой будкѣ, шхипера и матросы судовъ, приходящихъ изъ внутреннихъ портовъ, присягаютъ въ томъ, что, на пути своего слѣдованія, не заѣзжали ни въ какія карантинныя мѣста.

тѣмъ, что было въ его рукахъ, не упалъ духомъ. Сопротивленіе его ожесточало непріятелей.

Въ это время, усиленный огонь противъ щеголевской батареи и положеніе практической гавани побудили генералъ-адъютанта Н. Н. Анненкова, взявъ съ собою генерала Корвина-Красинскаго, отправиться туда лично. Подъ градомъ непріятельскихъ выстрѣловъ, сошелъ онъ съ бульвара по лѣстницѣ и пошелъ на гавань, на которую теперь, словно изъ тучи, сыпались бомбы, ядра, картечь и конгревовы ракеты. Тутъ генералъ-адъютантъ Анненковъ сдѣлалъ нужныя распоряженія на счетъ пароходовъ Андія и Днѣстръ и разной казенной собственности, здѣсь находившейся, навѣстилъ, въ эту критическую минуту, Щеголева, ободрилъ, похвалилъ его стойкость и, узнавъ отъ него о недостаткѣ зарядовъ, отправилъ нарочнаго за ними.

Извѣстія объ этомъ-же недостаткѣ два раза барону Остенъ-Сакену приносили студенты Ришельевского лицея, Скоробогатый и Диминстру, родомъ французъ, которые посланы были отъ него за извѣстіями къ Щеголеву. При этомъ случаѣ, отличился студентъ Пуль. Видя, что крестьянинъ, везшій на волахъ заряды къ Щеголеву, бросилъ возъ отъ испуга, и бѣжалъ, самъ онъ вскочилъ на возъ и, сквозь летящія ядра, отвезъ заряды на батарею.

Въ 11 часовъ, какъ мы сказали уже, канонада съ непріятельскихъ судовъ усилилась съ адскимъ неистовствомъ. Это потому, что тутъ начали они стрѣлять по-

стоянно залпами. Около этого-же времени, присоединился къ нимъ еще 84 пушечный, винтовой линейный корабль и также началъ метать свои залпы. Канонада рвала воздухъ и страшной бурей неслась далеко. Щеголевъ, между тѣмъ, держался по прежнему и продолжалъ наносить непріятелямъ вредъ, разумѣется, посильный. Генералы, баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ и Н. Н. Анненковъ были во все это время на бульварѣ и не переставали наблюдать за ходомъ дѣла. Мужественная стойкость Щеголева побудила тутъ барона Д. Е. Остенъ-Сакена послать ему выраженіе новой благодарности за нее. Козакъ повезъ на батарею № 6 слѣдующую записку: «Отъ имени корпуснаго командира, храброму прапорщику Щеголеву — спасибо. Майоръ Гротгусъ.» Но напоръ непріятеля становился съ минуты на минуту ожесточеннѣе. Никто изъ видѣвшихъ дѣло не вѣрилъ, что и Щеголевъ, и его прислуга не будутъ перебиты и останутся въ-живыхъ. Адъ кипѣлъ, во всемъ своемъ остервенѣніи, на нашей практической гавани; но Провидѣніе, за утлой защитой деревянныхъ мерлоновъ, хранило храбрыхъ слугъ Царя, стоявшихъ за Его правое дѣло. Въ эту пору, въ опасеніяхъ за жизнь Щеголева, начальникъ пѣшаго, постоянного артиллерійскаго резерва, генералъ-майоръ Майдель послалъ на его батарею прапорщика Ильшевича, который могъ бы, если понадобится, занять его мѣсто; но Щеголевъ оставался живъ и невредимъ, и потомъ цѣлехонекъ и со славою вышелъ изъ боя. Между тѣмъ, тутъ-же, въ самомъ разгарѣ боя, ему доставлены

были еще заряды и тѣмъ дана возможность продолжать славное дѣло. Сквозь убійственный, непріятельскій огонь ихъ привезъ ему прапорщикъ Дудоровъ.

Къ половинѣ перваго, вражій напоръ началъ проявляться въ слѣдствіяхъ. На концѣ гавани, у батареи, сдѣлался почти общій пожаръ. Рангоуты на всѣхъ купеческихъ судахъ были болѣе или менѣе повреждены и горѣли; другія изъ судовъ были частію или и совсѣмъ потоплены, на мачты и снасти ихъ пылали; третьи совсѣмъ объаты были пламенемъ. Огонь не погасалъ и въ сараѣ пароходной комиссіи. Мерлоны загорѣлись во многихъ мѣстахъ. Верхнія-же ихъ бревна или вѣнцы амбразуръ были сбиты и также горѣли. Потому, на томъ изъ мерлоновъ, изъ-за котораго производилась стрѣльба единственнымъ, какое могло наносить вредъ, орудіемъ, солдаты принуждены были стаскивать эти бревна ганшигами и бросать въ море, чтобы не мѣшали дѣйствию орудія. Въ этомъ ужасномъ положеніи, объятый со всѣхъ сторонъ пожаромъ, Щеголевъ продолжалъ однако еще держаться и стрѣлялъ. Не смотря на отчаянное положеніе стрѣлявшихъ, стрѣльба эта все-таки была удачна и наносила чувствительный вредъ непріятелямъ. Баронъ Остенъ-Сакенъ, видя все это, послалъ на батарею собственноручную записку карандашемъ: «Храброму, спокойному и распорядительному Щеголеву — спасибо. Генераль-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ. 10 апрѣля, 1854 г. 12 1/2 по-полудни. 6 часовъ «вижу.» Тутъ-же, думая, что многіе изъ прислуги Щеголева перебиты, баронъ Остенъ-Сакенъ прислалъ къ нему новую.

Но Господь хранилъ храбрецовъ, которые столь удачно начали и продолжали дѣло, и прислуга осталась до конца одна и таже. Только позднѣе, бомба, упавшая въ самую батарею, разорвалась и осколками ранила одного солдата въ спину, а другаго контузила. Пожаръ свирѣпствовалъ. Въ довершеніе его, бомба упала въ сарай пароходной комиссіи, разорвалась въ немъ, и сарай вновь и со всею силою вспыхнулъ, такъ что погасить его уже не было возможности. Вскорѣ отъ сарая огонь перешелъ на присяжную будку, близокъ уже былъ къ 4-мъ ящикамъ съ зарядами и угрожалъ имъ. Ящиковъ этихъ перетасить нельзя было куда: кругомъ было пламя. Тогда, видя неминуемую и самую близкую гибель, Щеголевъ рѣшился оставить батарею и сдѣлалъ послѣдній выстрѣлъ. Пожаръ до того распространился, что нѣкоторые солдаты, оставляя батарею, принуждены были, чтобы присоединиться къ товарищамъ, выскочить въ амбразуры и, такимъ образомъ, подъ непріятельскими выстрѣлами, обойти свою-же батарею снаружи, по закраинѣ мола. Щеголевъ и его команда была въ 15 шагахъ отъ батареи, когда взорвало на ней пороховые ящики. Тутъ на союзныхъ пароходахъ послышались радостные вопли и крики: *houga, vive l'Empereur*. Послѣ того, юный командиръ батареи построилъ свою команду во фронтъ и съ барабаннымъ боемъ повелъ ее на батарею № 5, слѣдуя предварительно данному приказанію, если какая-либо батарея будетъ сбита или приведена не въ состояніе действовать, командѣ идти на сосѣдную батарею. Но баронъ

Д. Е. Остенъ-Сакенъ предупредилъ храбраго защитника практической гавани: за нимъ и за прислугой его послалъ онъ звать ихъ къ себѣ, на бульваръ. Явившись къ барону, Щеголевъ не слышалъ ни привѣтствій, ни благодареній генерала, потому что сила непріятельскихъ и своихъ собственныхъ выстрѣловъ оглушила его на некоторое время. Генералъ расцѣловалъ его и, по данной ему власти, поздравилъ кавалерами знака отличія военнаго ордена нижнихъ чиновъ, отличившихся на батарее. Въ числѣ удостоенныхъ знака отличія военнаго ордена, былъ и кондукторъ съ парохода Андія, нынѣ прапорщикъ Рыбаковъ, добровольно принявшій участіе въ блистательныхъ дѣйствіяхъ батареи № 6. Отсюда, Щеголевъ отправленъ былъ для отдохновенія, тѣмъ болѣе, что у него, съ 5 часовъ утра ни куска хлѣба, ни капли воды во рту не было.

Послѣ взрыва пороховыхъ ящиковъ на щеголевской батарее, что было въ началѣ втораго часу, непріятельскіе пароходы и корабль стали стрѣлять все рѣже и рѣже, и наконецъ совсѣмъ перестали. Явилось боевое затишье. Оно продолжалось около часу. Въ городѣ убѣждены были, что непріятели обѣдаютъ. Тутъ баронъ Остенъ-Сакенъ поѣхалъ на батарею № 1 и по войскамъ, расположеннымъ на позиціяхъ; а Н. Н. Анненковъ, объѣхавъ городъ, чтобы лично осмотрѣть его состояніе и убѣдиться въ исправномъ исполненіи предначертанныхъ мѣръ благочинія, отправился на Пересынь, гдѣ, какъ вскорѣ оказалось, ожидало его особое дѣло.

Въ два часа съ четвертью, непріятель возобновилъ свои дѣйствія. Они начались почти одновременно въ двухъ мѣстахъ, на нашемъ лѣвомъ и на правомъ флангѣ. Тутъ, кромѣ пароходовъ, которые снова начали свой огонь и бросали бомбы и ядра на городъ, еще значительное число баркасовъ, съ праваго фланга, метало по немъ конгревовы ракеты. Казалось, стрѣльба, снова начавшись, не будетъ имѣть конца.

Пока, въ третьемъ часу, англо-французы громили городъ съ праваго своего фланга, противъ коего не было уже ни одной батареи, а щеголевская горѣла, батарея № 1, расположенная у чумнаго квартала, имѣла опять отдѣльную перестрѣлку. Фрегатъ снова отправился къ ней и, снова встрѣченный выстрѣлами какъ съ этой батареей, такъ и съ батареей № 2 и 3, занялъ прежнюю позицію и открылъ огонь по батарее № 1 и по городу, къ сторонѣ Михайловскаго монастыря. Войска, находившіяся въ этомъ мѣстѣ, были теперь, какъ и во время утренняго дѣйствія непріятеля въ эту сторону, отодвинуты и поставлены внѣ направленія непріятельскихъ выстрѣловъ. Подпоручикъ-же Винокуровъ, еще въ обѣдъ, сдѣлалъ перемѣщеніе въ своихъ орудіяхъ. Изъ двухъ единороговъ, которые, какъ мы сказали, сначала оба стояли на лѣвомъ фасѣ его батареи, одинъ перенесенъ былъ на правый. Платформы мортиръ опять обращены были противъ фрегата. Бой продолжался тутъ не менѣе получасу; но непріятельскія бомбы, и на этотъ разъ, не нанесли никакого вреда ни городу, ни батарее. На ко-

раблѣ-же, нашими выстрѣлами, повреждена была палуба и одинъ изъ баркасовъ разбитъ въ дребезги.

Между тѣмъ, въ три часа ровно, на крайнемъ, лѣвомъ флангѣ нашемъ, началось новое дѣйствіе огнеметной драмы. Еще прежде, по близкому нахожденію неприятеля къ Пересыпи, предположили, съ нашей стороны, возможность высадки на это предмѣстье. Генераль-адъютантъ Н. Н. Анненковъ, съ согласія корпуснаго командира, принялъ на себя этотъ крайній, лѣвый флангъ нашихъ дѣйствій. Еще въ полдень, два полудивизиона пѣшей артиллеріи ¹⁹⁾, подъ начальствомъ поручиковъ Раецкаго и Полякова, и подъ прикрытіемъ отряда, состоявшаго изъ пѣхоты и уланъ эрцгерцога Карла-Фердинанда полка, были туда отправлены. Сдѣлано распоряженіе, чтобы везти пушки и проводить отрядъ этотъ не по нарышкинскому спуску, а по старому, херсонскому, мимо дома генерала Лѣхнера и больницы, дабы скрыть такимъ образомъ наше движеніе отъ неприятельскихъ пароходовъ, въ виду коихъ былъ нарышкинскій спускъ. Когда отрядъ и орудія прибыли

¹⁹⁾ Остальные два полудивизиона этой батареи, состоявшей подъ начальствомъ капитана Руновскаго, оставлены были въ резервъ, на соборной площади и у Михайловскаго монастыря. Батарея эта съ прикрывавшимъ ее отрядомъ майора Чемерзина, до прихода союзныхъ эскадръ на Одесскій рейдъ, находилась въ Аккерманѣ и оберегала пароходъ, производящій сообщенія между этимъ городомъ и Овидіополемъ. Въ четвергъ, въ вечеру, получила она приказаніе двинуться въ Одессу, вмѣстѣ со своимъ прикрытіемъ. Въ ночь съ четверга на пятницу, отрядъ и пушки переправились черезъ рѣку Днѣстръ, въ пятницу сдѣлали переходъ въ 37 верстъ, и прибыли въ Одессу, въ субботу, въ два часа ночи.

на означенное мѣсто и расположились въ засадѣ, въ дворахъ и за заборами, саженьхъ въ 50-ти на лѣво отъ церкви, Н. Н. Анненковъ освѣдомился прежде всего объдали-ли нижніе чины и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, отправился, въ сопровожденіи поручика Раецкаго, по берегу, чтобы ближе осмотрѣть дѣйствія англо-французскихъ пароходовъ и баркасовъ. Тутъ, какой-то офицеръ подошелъ съ предостереженіемъ къ генералу: «Ваше превосходительство, не худо вмѣсто каски надѣть солдатскую фуражку: неприятели могутъ завидѣть и пустить картечью.» Въ отвѣтъ на это, генералъ улыбнулся и пошелъ далѣе. За-тѣмъ, сообразивъ, по числу баркасовъ, дѣйствовавшихъ въ заливѣ, число возможнаго десанта и, нашедъ, что онъ не можетъ превосходить нашихъ силъ на этомъ пунктѣ, генералъ снабдилъ артиллерійскихъ офицеровъ приличнымъ наставленіемъ, какъ дѣйствовать въ случаѣ, если-бы неприятель сдѣлалъ попытку высадиться на берегъ, и далъ при этомъ особую инструкцію и отрядному начальнику, майору Чемерзину.

Вскорѣ послѣ этого, огонь съ неприятельскихъ пароходовъ пріумолкъ. Они какъ-бы наблюдали за дѣйствіемъ своихъ баркасовъ, которые спущены были на воду и поплыли къ Пересыпи. Это была, предусмотрѣнная начальствомъ нашимъ, попытка на небольшой десантъ. На разстояніи 250 сажень, десять изъ этихъ лодокъ, составлявшихъ вторую, заднюю линію, остановились, а восемь, въ передней линіи,плыли далѣе къ берегу. Какъ скоро, съ нашей стороны, замѣтили это дви-

женіе, тутъ-же изъ засады выдвинуты были орудія, поставлены на берегу, саженьхъ въ 20 взводъ отъ взвода, а лошади и зарядные ящики скрыты за каменнымъ строеніемъ, находившимся сзади позиціи. Въ этомъ положеніи, два полу-дивизиона наши пообождали еще, пока баркасы не приблизятся на самый дѣйствительный картечный выстрѣлъ, т. е. до 150 сажень. Тутъ, со всѣхъ четырехъ орудій нашихъ, открыта была самая учащенная пальба. При этомъ, такъ какъ у поручика Раецкаго пушка заряжена была ядромъ и какъ онъ не имѣлъ времени разрядить ее и потомъ снова зарядить картечью, то первый зарядъ сею послѣднею былъ имъ, «посланъ на ядро.» Наши 6-и фунтовые пушки и $\frac{1}{4}$ пудовые единороги дѣйствовали превосходно. Отъ первыхъ выстрѣловъ нашихъ, произошло смятеніе на баркасахъ: нѣсколько человѣкъ было переранено, баркасы зашатались и были повреждены, такъ что люди должны были перепрыгивать съ одного изъ нихъ на другой, и падали въ воду, а одинъ изъ баркасовъ совсѣмъ былъ потопленъ. Въ этомъ смятеніи, наши выстрѣлы довершали поражение. Это побудило непріятеля стремительно броситься назадъ, къ пароходамъ. Но пока баркасы плыли къ нимъ, сперва нашъ картечный огонь, а потомъ, по мѣрѣ удаленія, ядра и гранаты преслѣдовали бѣгущихъ. Когда же десантные баркасы скрылись за пароходами, сіи послѣдніе, не будучи въ состояніи дѣйствовать дотолъ противъ насъ, не вредя своимъ-же, теперь открыли огонь съ цѣлыхъ бортовъ, бомбическими и простыми орудіями. Тутъ подбиты были

у насъ два лафета, убито четыре лошади и ранено два солдата. Въ полувзводъ поручика Раецкаго бомба упала между обоими орудіями, но не разорвалась и не причинила ни малѣйшаго вреда. Когда такимъ образомъ покушеніе на десантъ было отражено и, слѣдовательно, цѣль достигнута, тогда слишкомъ несоразмѣрный калибръ нашихъ полевыхъ орудій въ сравненіи съ непріятельскими на его военныхъ судахъ, былъ причиною, что орудія сняты были съ позиціи. Два изъ нихъ, съ поврежденными лафетами, ушли съ Пересыпи въ резервъ, а два другія оставались въ засадѣ, до поздняго вечера.

Пароходы начали тутъ дѣйствовать по Пересыпи. Они бросали по ней бомбы и гранаты, метали конгревовы ракеты и вскорѣ повредили нѣсколько домовъ и зажгли сарай съ солью, принадлежавшій частному лицу. Пожаръ этотъ быстро вспыхнулъ и, по множеству дерева и удобосгораемыхъ матеріаловъ, находившихся на его мѣстѣ, распространился съ необыкновенною скоростію. Онъ обхватилъ шесть домовъ, находившихся въ сосѣдствѣ одинъ отъ другаго. Жители Пересыпи, по бѣльшей части, чиновничьи вдовы, мѣщане и мелкіе торговцы, не могли не испугаться дѣйствій непріятеля, обращенныхъ противъ нихъ, и страшнаго грома пушекъ. Большая часть изъ нихъ бросили жилища и все, въ нихъ находящееся, и толпами побѣжали на новую слободку. Остались только неустрашимѣйшіе. Пересыпь, и безъ того не многолюдная, тутъ совершенно опустѣла.

Дѣйствія непріятеля на это предмѣстье продолжались

до половины четвертаго. Послѣ того, англо-французы обратили всю силу своихъ орудій опять на городъ, стрѣляя по направленію къ новому базару. Тѣ-же адскія орудія, тѣ-же циклопическія бомбы, гранаты, тѣ-же конгревовы ракеты, которыя, подобно исполинскимъ, огненнымъ змѣямъ, извиваясь въ воздухѣ, грозили страшнымъ бѣдствіемъ пожаровъ, пущены были и тутъ въ дѣло. Нѣсколько времени потомъ, враги святыни громили еще городъ по означенному направленію и уже, по вышесказанной причинѣ, безнаказанно. Но Провидѣніе видимо хранило тотъ городъ, который еще въ прошломъ году, въ буквальномъ смыслѣ, прокормилъ своихъ теперешнихъ враговъ. Губительныя усилія ихъ остались, по большей части, напрасны.

Преосвященный Иннокентій, по окончаніи литургіи, остался въ своемъ домѣ, который, находясь на берегу моря, прямо противъ мѣста главнаго сраженія, представлялъ рѣдкую удобность видѣть и наблюдать все отъ начала до конца. Когда, послѣ атаки противъ Пересыпи, бомбы снова въ большомъ числѣ полетѣли на городъ, преосвященный, вида опасность, угрожающую храмамъ Божиимъ, поѣхалъ осмотрѣть ихъ лично, чтобы, въ случаѣ нужды, принять мѣры къ ихъ охраненію и спасенію. Прежде всего, отправился онъ въ Срѣтенскую церковь, на Новомъ базарѣ, которая подвергалась наибольшей опасности. Оттуда, найдя, что Господь блюдетъ обитель молитвы, хотя за оградю ея бомба убила и ранила смертельно нѣсколько человекъ, преосвященный посѣ-

тилъ соборную церковь, Михайловскій, училищный монастырь и больницу сердобольныхъ сестеръ, каковыя находились тоже въ направленіи непріятельскихъ дѣйствій, по батарее № 1.

Бомбардированіе продолжалось до захожденія солнца. Оно зашло въ половинѣ 7-го. Тутъ непріятельскіе пароходы, прекративъ огонь, удалились въ свою линію.²⁰⁾ Только одинъ корабль вышелъ изъ этой линіи и сталъ впереди ея, какъ-бы для того, что-бы наблюдать за тѣмъ, что происходило, и что могъ онъ видѣть на гава-

²⁰⁾ Вотъ что о послѣдствіяхъ бомбардированія на союзномъ флотѣ показываютъ шкипера, бывшіе въ плѣну у англо-французовъ. «По прибытіи въ Одессу, плѣнные были свезены съ парохода «Декартъ» на французскій, трехдечный корабль «городъ Парижъ», подъ контръ-адмиральскимъ флагомъ, а съ парохода «Ретрибушенъ» на англійскій, трехдечный корабль, на которомъ находился адмиралъ Дундасъ. 1) Въ корпусъ французскаго парохода попали два каменныхъ ядра, отчего онъ загорѣлся; поэтому, онъ былъ отвѣденъ другимъ пароходомъ къ эскадрѣ, и съ двухъ кораблей посланы на него пожарныя инструменты, для потушенія огня. 2) Во фрегатъ, подходившій къ батарее № 1-й (у дачи графини Ланжеронъ), попало два ядра, навыветъ черезъ оба борта: однимъ оторвало ноги командиру фрегата, и съ тѣмъ вмѣстѣ убито и ранено до шести человекъ. 3) Когда пароходы, послѣ боя, возвращались къ эскадрѣ, каждый изъ нихъ имѣлъ пробонны, что особенно замѣтно было на кожахъ. На пароходъ «Фюри», подходившемъ 11 числа, (см. далѣе) также замѣтно было поврежденіе, и, хотя отъ нашихъ людей скрывали, но къ нимъ доходили слухи, что на этомъ пароходѣ убитъ кто-то изъ лицъ значительныхъ, что въ пароходъ попало четыре ядра, и что осколками мачты изувѣчены четыре человека. 4) Число убитыхъ и раненыхъ считаютъ до тридцати пяти. На эскадрѣ удивлялись, какимъ образомъ могла держаться одна пушка, которая дѣйствовала безъ умолку, и спрашивали: не привязаны ли люди къ этой пушкѣ? Плѣнные отвѣчали, что люди привязаны къ каждой изъ пушекъ въ исполненіе своего долга, а въ настоящее время пушки наши не дѣйствуютъ, потому что пароходы вѣдъ ихъ выстрѣловъ»

няхъ, на прибрежьи и на Пересыпи. Съ нашей стороны, генераль-адъютанты, баронъ Остенъ-Сакенъ и Н. Н. Анненковъ, все время наблюдавшіе за городомъ и за непріятелемъ, теперь, когда начало темнѣть, отправились по батареямъ, что-бы лично распорядиться какимъ образомъ расширить кругъ ихъ дѣйствія и увеличить средства защиты города. Они осмотрѣли Пересыпское прибрежье и выбрали на немъ мѣсто для батареи, къ сооруженію которой немедленно было приступлено. Работы закипѣли.

И квартировали, въ это время, оба генераль-адъютанта, такъ сказать, на позиціяхъ. Баронъ Остенъ-Сакенъ, занимая впрочемъ особый домъ, теперь помѣстился въ парижской гостинницѣ. Н. Н. Анненковъ остановился въ европейской. Съ квартиры перваго, по этому, былъ

Спрашивали: такъ-ли укрѣпленъ Очаковъ, какъ Кибуртъ? Какое число войскъ въ Одессѣ? На это отвѣчали, что, сколько имъ извѣстно, число войскъ простиралось до шестидесяти тысячъ пѣхоты, двѣнадцати тысячъ кавалеріи, и до двухъ сотъ полевыхъ орудій. Шкипера единогласно показываютъ, что какъ пароходы, такъ и корабли союзнаго флота комплектованы экипажами весьма дурно, людьми, набранными большею частію съ коммерческихъ судовъ разныхъ націй, и то въ ограниченномъ числѣ; людьми, не привыкшими къ морю и несвѣдущими въ морской службѣ, въ числѣ которыхъ находится много не свѣше двѣнадцатилѣтняго возраста: на кораблѣ, на которомъ находится Дундасъ, такихъ около двухъ сотъ человекъ. Замѣчено также отсутствіе всякой дисциплины. Маневры производились медленно и съ шумомъ. Между матросами и даже между офицерами, весьма часто обнаруживается ропотъ за дурную провизію, которой впрочемъ имѣютъ еще на пять мѣсяцевъ, но въ свѣжей провизіи совершенный недостатокъ, не только для офицерскаго стола, но и для больныхъ. На корабляхъ вообще много больныхъ и значительная смертность.

въ виду непріятель; въ виду у втораго — городъ и предмѣстья. Но не таковы были оба генерала, что-бы постоянно оставаться у себя на квартирахъ: смутная пора въ городѣ и близость непріятели представляла много предметовъ для ихъ дѣятельности и она была неутомима.

На новой слободкѣ былъ я очевидцемъ всей, такъ сказать, внѣшней стороны сраженія, видѣлъ страшный напоръ непріятельскихъ силъ на щеголевскую батарею, — видѣлъ, послѣ обѣда, и первый залпъ нашей артиллеріи по непріятельскому десанту, и пораженъ былъ быстротою, съ какой конгревовы ракеты подняли пламя и какъ оно, громадными клубами, обхватило дома и разлилось; былъ наконецъ свидѣтелемъ умильной сцены, какъ старикъ-дѣдъ порывался идти на Пересыпь спасти внуковъ и какъ незамужняя дочь, со слезами и воплемъ, удерживала его въ своихъ объятіяхъ, и не позволяла подвергать жизнь опасности. Но одиночество среди людей, съ которыми я не могъ дѣлить мыслей, незнаніе что дѣлается въ городѣ и что съ знакомыми, и наконецъ толпа народа, прибѣжавшая съ Пересыпи искать спасенія на слободкѣ, послѣ того, какъ англо-французы обратили свои дѣйствія противъ этого предмѣстья, были причиною, что я пошелъ обратно въ городъ.

Дорога съ новой слободки почти до самыхъ внѣшнихъ, городскихъ бульваровъ, идетъ по мѣстности, довольно пустынной и изрытой оврагами. Еще за нѣсколько недѣль

передъ этимъ и во время спокойнаго состоянія Одессы, я не рѣшилсѣ-бы идти по ней тихо и безъ оглядокъ по сторонамъ. Теперь-же, когда — если позволено такъ выразиться — сама атмосфера Одессы была пропитана, среди общаго смущенія, безопасностію и строгостію полицейскихъ мѣръ, я шелъ спокойно, погрузаясь въ размышленіе, внималъ съ стѣсненнымъ сердцемъ бурѣ вражескихъ выстрѣловъ и поглядывалъ на бѣлыя облачки, которыя внезапно возникали и тутъ-же исчезали въ воздухѣ. У самого города, мимо меня проѣхалъ дивизионъ уланъ эрцъ-герцога Карла-Фердинанда полка, возвращавшійся съ Пересыпи.

Городъ нашелъ я въ безмолвіи. Лишь изрѣдка пронесутся какія нибудь дрожки или пройдетъ пѣшеходъ. Небо было сумрачно, и только вѣтеръ, какъ бы вступааясь за наше дѣло, вихрился, клубами вздымалъ пыль и несся на враговъ, неистовствуя за огнеметные грома ихъ орудій. На новомъ базарѣ предостерегли меня, сказавъ, что, за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, убита была тамъ женщина. Я своротилъ въ сторону, прошелъ къ собору, но по его площади, занятой войсками, пройти не могъ. Подошедъ къ городской типографіи, я хотѣлъ было зайти въ нее прочесть, вышедшій по утру, № Одесскаго вѣстника, но двери были заперты. Тутъ проскакала пожарная команда. Кто-то, попавшійся мнѣ на встрѣчу, сказалъ, что бомба упала въ домъ, занимаемый военнымъ губернаторомъ, Н. И. Крузенштерномъ, разорвалась и произвела пожаръ; но пожаръ этотъ былъ

предупрежденъ. Возлѣ своей квартиры, неподалеку отъ гауптвахты, нашелъ я офицера и солдатъ, возвратившихся съ Пересыпи. Офицеръ сообщилъ мнѣ первыя подробности о томъ, что тамъ происходило. Онъ-же, въ короткихъ словахъ, рассказалъ и о дѣйствіяхъ щеголевской батареи и объяснилъ, почему ея выстрѣлы были такъ рѣдки и одиноки.

Идя послѣ того на Греческое, по дорогѣ, зашелъ я въ кондиторскую, которая, въ числѣ не многихъ другихъ, была весь день отворена. Тутъ, въ очахъ и углубившись въ чтеніе, сидѣлъ одинъ усердный газетоманъ изъ иностранцевъ. Во что-бы то ни стало, и несмотря на очевидность, доказывалъ онъ, что англо-французы не трогаютъ города и только сбиваютъ наши батареи. «Во первыхъ не сбиваютъ, отвѣчалъ я, потому что всѣ батареи наши, кромѣ № 6, стоятъ цѣлехоньки и господамъ туркофиламъ какъ будто и дѣла нѣтъ до нихъ; а во вторыхъ, чтò значитъ бомба, только что упавшая въ сорока шагахъ отсюда и влипившаяся осколками своими въ стѣну? и чтò значать другія бомбы сотнями летящія въ разныя мѣста города, по направленію прямо на него, а не на батареи?» — Да качка кораблей и вѣтеръ спосятъ ихъ. — «Помилуйте, вѣтеръ дуетъ въ противную сторону и, пожалуй, можетъ замедлять полетъ бомбъ, но не загонять ихъ въ сторону. Направленіе ихъ не зависитъ и отъ качки парходовъ». Мнѣніе газетомана приняли потомъ, когда миновала опасность, и нѣкоторое другіе изъ живущихъ у насъ иностранцевъ. Теперь-же,

когда бѣда грозила всѣмъ наравнѣ, говорили: que diable veulent-ils: c'est infâme d'attaquer une ville inoffensive. Идя далѣе, по Ришельевской, встрѣтилъ я студента Мо-рокина, который провелъ весь день у батареи № 1, и сказалъ мнѣ, что своими глазами видѣлъ, какъ, въ теченіе боя, три парохода взяты были на буксиръ ²¹⁾. Вслѣдъ за тѣмъ, попался мнѣ на встрѣчу одинъ знако-мый сицилиецъ. Разговаривая со мною по итальянски, онъ не находилъ довольно поносныхъ словъ и выраже-ній, которыми такъ богатъ этотъ языкъ и изъ которыхъ самое легкое было cani, для того, чтобы подчивать англо-французовъ. Живой и пламенный, онъ увлекался въ разговорѣ. На Греческомъ, инныя лавки были полу-открыты, другія заперты, но огонь видѣлся въ окнахъ. Конторщики сидѣли за дѣломъ, а товары складывали.

Настали сумерки. Начало темнѣть. Вѣтеръ, словно успокоенный удаленіемъ враговъ, стихъ. Я пошелъ на бульваръ. Тутъ немногочисленный народъ смотрѣлъ, какъ горѣли суда, мерлоны разрушенной батареи, и сваи прак-тической гавани, — какъ все еще горѣли дома на Пере-сыпи, и пламя очистительной жертвой несло въ ве-чернемъ сумракѣ. Грусть запала въ сердце: близка была минута самого свѣтлаго изъ торжествъ Христіанской Цер-кви, когда братскій поцѣлуй служить у насъ символомъ об-щаго примиренія и любви, а тутъ горькій укоръ свято-татцамъ невольно зараждался въ душѣ. Впрочемъ, мысль и

²¹⁾ Извѣстіе это подтверждено было приказомъ военнаго начальника, явившимся 13 числа.

чувство, взволнованныя событіями дня, начали приходить въ себя. Совершенно успокоиться они не могли. Настала, по крайней мѣрѣ, пора отдыха, возможность сойтись въ кружекъ, спокойно побесѣдовать и отодрать душу сочув-ствіемъ челоуѣка близкаго, а близки между собою были все жители Одессы, въ это время.

Б—ыхъ, по моему предположенію, не было въ городѣ. Потому пошелъ я къ Ф. К. Бр., но не нашелъ ни его самого и никого изъ его семейства. Съ утра еще, съ супругой и дѣтьми, уѣхалъ онъ за городъ, позволивъ близкимъ знакомымъ пріютиться въ своемъ домѣ, лежа-щемъ по-отдалѣ отъ моря. Тутъ уже были пасторъ, наканунѣ пріѣхавшій въ Одессу, да еще одинъ молодой челоуѣкъ. Къ завтрашнему дню, надобно было имѣть куличъ и хоть нѣсколько крашенныхъ яицъ. Расторопная нѣмка-экономка, оставленная въ домѣ, принесла намъ то и другое вскорѣ. Между тѣмъ, къ нашему обществу присо-единилось еще одно семейство. Закипѣлъ самоваръ, при-несли сухарей, нашлось и еще кое-что изъ съѣстнаго. Составился кружекъ, и мы не въ большомъ обществѣ, оживленномъ присутствіемъ любезной дамы, провели ве-черъ въ пріятной бесѣдѣ. Главнымъ предметомъ разго-вора было, разумѣется, только-что прервавшееся, бом-бардированіе. Все удивлялись, какъ много непріятель стрѣлялъ и какъ мало сдѣлалъ, какъ мало вреда нанесъ городу. Заступничество Божіе было очевидно.

Въ 8 часовъ вечера, въ соборъ и во всѣхъ другихъ церквахъ, началось чтеніе дѣяній апостольскихъ. Храмы полны были народомъ, который, въ настоящую минуту, еще съ сильнѣйшимъ умиленіемъ внималъ словесамъ благоговѣствованія. Чтеніе дѣяній продолжалось до 12 часовъ, когда заблагоувѣстили къ Воскресной утрени. Тутъ-же, какъ и всегда бываетъ у насъ въ эти торжественныя минуты, зажжены были смоляныя бочки на соборной площади. Ряды плошекъ засвѣтились вокругъ церквей, на ихъ куполахъ и колокольняхъ, а внутренность самого собора освѣтили 12-ть паникадилъ ²²⁾. Въ немъ, — архипастырь и священство въ дорогихъ и лучшихъ облаченіяхъ, генералъ-адъютанты баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ и Н. Н. Анненковъ, съ генералитетомъ, штабомъ и офицерами, военный губернаторъ Н. И. Крузенштеръ съ чиновниками и лицами изъ почетнѣйшихъ сословій города, войско въ походной формѣ, толпы народа въ праздничныхъ одеждахъ, и всѣ со свѣщами въ рукахъ. Это было море свѣта извнѣ храма и внутри его.

За утреней непосредственно слѣдовала литургія. По окончаніи ея, преосвященный Иннокентій произнесъ слово, по истинѣ вдохновенное. Онъ говорилъ о томъ, какъ

²²⁾ Не приняли-ли англо-французы освѣщенія соборной площади за пожаръ города, о коемъ адмиралъ Гамеленъ упоминаетъ въ своемъ донесеніи.

страшно враги наши забыли вѣру въ Бога, избравъ для перваго нападенія на Россію, воюющую за гробъ Господень, именно тотъ день, который, единственный въ году, посвященъ памяти гроба Господня, — о томъ, что истекшая недѣля была для Одессы истинно страстною; такъ что «теперь, когда пережита эта суббота страстей, цѣлый городъ нашъ можетъ, ставъ предъ изображеніемъ воскреснаго Господа, съ благоговѣйнымъ смиреніемъ приложить къ себѣ священную пѣснь церковную: *Вчера спогребохся Тебѣ Христе, совостаю днесь, воскресшу тебѣ!* какъ ни высокъ смыслъ и какъ ни глубоко ея значеніе.» Витія продолжалъ: «Враги наши, вѣроятно, не преминутъ нынѣ явиться противъ насъ снова въ томъ или другомъ видѣ; ибо надобно же имъ докончить дѣло своего нечестія и не показать, что, отъ вчерашнихъ ранъ своихъ, они уже не въ состояніи выдти противу насъ на брань: но будьте увѣрены, что, наученный опытомъ, врагъ явится безъ прежней наглости и самонадѣянія. А намъ послѣ того, какъ мы видѣли вчера и безусѣбіе врага и милость Божію надъ нами, уже непростительно было-бы явиться малодушными. Если Господь защитилъ насъ своею невидимою силою такъ побѣдоносно вчера, когда мы предстояли у Его гроба: то тѣмъ паче не предастъ насъ въ жертву врагамъ нынѣ — въ день преславнаго возстанія Его изъ гроба. Ничто убо, скажемъ и мы словами св. Златоуста, ничто да не препятствуетъ нашей радости о Господѣ! *Поимъ Господеви, славно бо прославися!*»

Литургія кончилась въ 4 часа утра. Между тѣмъ, еще на-канунѣ, тутъ-же по захожденіи солнца, въ слѣдствіе данныхъ предписаній, начались работы на батареяхъ: приказано было на №№ 4 и 5 снять амбразуры и поставить орудія съ-банку, — кончить, начатую уже, центральную *), которая отдана была теперь въ вѣдѣніе прапорщика Шеголева, и — соорудить новую на Пересыпи. Собраны были обыватели изъ рабочаго класса и приведена часть арестантской роты, остававшаяся въ городѣ. Въ ночь на 11 апрѣля, работы на этихъ трехъ пунктахъ производились съ неимоверной дѣятельностію и быстрою, такъ что, на другой день, съ нашей стороны, готовы были встрѣтить непріятели уже болѣе сильными средствами защиты. Къ разсвѣту, центральная батарея была приведена къ концу, батареи №№ 4 и 5 приведены въ возможность дѣйствовать по всему пространству между карантинной и практической гаванью. На Пересыпи, за насыпнымъ бастиономъ, стояли уже двѣ 12-ти фунт. пушки и два полупудовые единорога. Словомъ, приготовленъ былъ дружный и, сколько позволяли средства, сильный отпоръ.

Черезъ часъ по окончаніи литургіи, незванымъ гостемъ явился какой то пароходъ-фрегатъ ²³⁾. Выступивъ изъ линіи своихъ кораблей, словно ошеломленный, понесся онъ, на всѣхъ парусахъ въ глубину нашего залива, сдѣлавъ

*) На концѣ Канатной ул., къ морю. Это батарея Джиги-Мокки.

²³⁾ Послѣ узнали, что это былъ корветъ Фюри

два выстрѣла на практическую гавань и сгорѣвшую батарею, и началъ было стрѣлять по окончательнымъ работамъ, производившимся на, вновь сооруженной, пересыпской батарее. По этого молодца встрѣтили со всѣхъ батарей нашихъ калеными и холодными ядрами, а бомба, брошенная въ него съ батареи № 4, попала въ корму его. Это заставило молодчика воротиться. Отстрѣливаясь, пронесся онъ, какъ стрѣла, назадъ, къ своимъ.

Никто не подозрѣвалъ въ Одессѣ, что этимъ кончится нападеніе непріятели на городъ. Напротивъ, всѣ думали и говорили, что англо-французы только потому не возобновляютъ атаки, что насталъ воскресный день, въ который англичанки не позволяютъ себѣ даже играть на фортепіано. Иные впрочемъ полагали, — не знаю, право, почему, — что враждебныя дѣйствія должны возобновиться непременно въ 4 часа послѣ обѣда.

По этому, все въ Одессѣ и предмѣстьяхъ, вообще говоря, находилось въ какомъ-то напряженномъ состояніи. Никто не зналъ, что дѣлать, что начать. Было что-то, что мѣшало обыкновенному ходу дѣлъ. Нашлись однако и такіе, которые, не смотря ни на что, одѣвались въ праздничное платье, надѣвали вымытыя перчатки, ходили съ визитами и поздравленіями, и навѣдывались на Михайловскую площадь — нѣтъ-ли тамъ качелей; по

качели стояли тамъ недвижно, пустынно, а у стѣнъ монастыря, вмѣсто празднаго народа, — войско на позиціи.

Молдаванка была болѣе оживлена: тамъ было и многолюднѣе, и разнообразнѣе, да и веселѣе. Туда тянулись повозки съ женщинами и дѣтьми, мебелью и сундуками; туда кухарки и кое-какая прислуга переносили на рукахъ разныя домашній скарбъ. Главная улица этого предмѣстья полна была множествомъ переселяющихся; а переселялся, въ этотъ день, особенно еврейскій классъ.

За-то самый городъ представлялъ какое-то печальное зрѣлище. Улицы опустѣли. Кое-гдѣ въ домахъ, особенно на бульварѣ, виднѣлись пробоины въ стѣнахъ и разбитыя стекла. Въ практической гавани, суда съ поврежденными снастями и мачтами, наклоненными въ разныя стороны, одни лежали бокомъ въ водѣ, другія дымились, третьи, совсѣмъ безъ рангоута, были потоплены и только окраинами бортовъ выходили на поверхность воды. Обожженные сваи на гавани и слѣды общаго пожара, на разрушенной батарее и на мѣстѣ деревянныхъ построекъ на этой гавани, дорисовывали картину. И въ виду всего этого — безмолвный пока, но тѣмъ не менѣе многочисленный и потому грозный, непріятельскій флотъ. Все это, вмѣстѣ съ опустѣніемъ города, наводило на душу безпокойное чувство и тоску.

На канунъ, подъ громомъ выстрѣловъ, расположеніе духа въ жителяхъ было гораздо лучше. Тогда мысль и чувство вступали въ прямую, открытую борьбу съ опас-

ностью, а умъ, занятой настоящимъ, которое кипѣло случайностями, развлекалъ душу и не позволялъ ей предаться одному какому либо, исключительному чувству. Душа сжималась отъ опасеній, но находила пріютъ и отраду у каждой минуты, въ которую угрожающая опасность проходила безъ слѣдствій. Притомъ, опасность присущая и очевидная вызываетъ силы духа на борьбу и тѣмъ все-таки укрѣпляетъ ихъ. Теперь было иное. Какое-то тупое, боязливое недоумѣніе, гораздо болѣе тяжкое, нежели самый страхъ, господствовало въ жителяхъ. Это было томительное выжиданіе, что непріятель всѣмъ флотомъ, всѣми своими силами, грянетъ на городъ, раздражившій его тѣмъ, что, въ первый-же день, не уступилъ ему ни на шагъ. Особенно теперь, въ вечеру, въ пасхальное воскресенье, какая-то тягота, подобная свинцовой тяжести на плечахъ, лежала у всѣхъ на душѣ. Можно-же представить себѣ, какъ отраденъ былъ въ этотъ вечеръ благовѣсть къ вечернѣ. Въ комъ была только искра вѣры, всякъ спѣшилъ въ церковь. Въ 5 часовъ началась вечерня. Въ соборѣ служилъ Преосвященный. По окончаніи служенія, онъ сказалъ слово успокоенія и увѣщанія. Онъ говорилъ о прощеніи врагамъ: «не вѣдятъ бо, что творять».

Въ три остальные дня, послѣ бомбардированія, во все время, пока флотъ непріятельскій оставался въ виду города, начальство Одессы озабочено было, съ одной

стороны, укрѣпленіемъ города, чтобы дать возможно стойкій отпоръ англо-французамъ, если-бы они вздумали сдѣлать новое покушеніе на городъ, а съ другой стороны, поддержаніемъ того внутренняго спокойствія и безопасности, которыя составляютъ первое условіе города, находящагося въ осадѣ.

Съ первую цѣлю, работы, по вооруженію и укрѣпленію батарей, производились неусыпно, такъ что, черезъ три дня, къ средѣ, уже и сгорѣвшая, щеголевская батарея была почти готова. Пушки, съ давнихъ временъ, врытыя въ разныхъ мѣстахъ въ землю, были выкопаны и употреблены въ дѣло. Рабочіе работали день и ночь. Квартальные надзиратели, съ козаками и уланами, разъѣзжали по улицамъ, собирали праздныхъ и подозрительныхъ людей и толпами отводили на батареи, на помощь рабочимъ арестантской роты. Въ случаѣ недостатка въ людяхъ, полиція сносилась съ мѣщанскими обществами и, при посредствѣ старостъ, пополняла этотъ недостатокъ обывателями изъ простаго класса, въ томъ числѣ и евреями. Она-же заботилась о доставленіи нужныхъ снарядовъ: фонари для ночныхъ работъ, ломы, кирки, топоры, лопаты, мешки, корзины, все доставляемо было по первому, словесному требованію.

Такъ-какъ многіе изъ домохозяевъ бѣжали изъ города, не сдѣлавъ распоряженія относительно нижнихъ чиновъ, состоявшихъ у нихъ на квартирахъ, то гражданское начальство приняло мѣры къ ихъ продовольствію. 12-го же апрѣля, въ понедѣльникъ, приказано было отъ

барона Остенъ-Сакена, по случаю большаго скопленія войскъ въ Одессѣ и оставленія многими жителями домовъ своихъ, « довольствовать войска отъ котла, впредь до приказанія полною порціею »²⁴⁾. Войска, смѣняясь по очереди, для необходимаго отдыха, постоянно оставались на позиціяхъ и сторожили непріятеля.

По внутреннему благочіію, мѣры, принятыя начальствомъ, были не менѣ дѣтельны. Полиція, для незамедлительнаго хода дѣлъ и безостановочнаго исполненія приказаній начальства, не прерывала своего присутствія по цѣлымъ днямъ. Ночью-же дежурили особые пристава, надзиратели и канцелярскіе. Повсюдные и безпрестанные разъѣзды производимы были отъ, квартировавшихъ въ Одессѣ, уланскихъ эрцгерцога австрійскаго Карла-Фердинанда и графа Никитина полковъ и отъ двухъ сотенъ козачьяго дунайскаго № 2 полковника Тихонова полка. Позаботились и о продовольствіи жителей, особенно низшаго класса, которые въ большомъ числѣ оставались въ городѣ. Еще въ субботу и воскресенье, водовозамъ приказано было развозить воду для продажи по городу. Въ понедѣльникъ, это приказаніе строжайше подтверждено. Въ тотъ-же день, приказано было заставить хлѣбниковъ печь хлѣбы, а мясниковъ продавать мясо, и озаботиться равнымъ образомъ о томъ еще, что-бы производилась продажа, не только воды, хлѣба и мяса, но и другихъ припасовъ. На-оборотъ, по сношенію полиціи съ кон-

²⁴⁾ См. приказъ военнаго начальника отъ 12 апр. за № 21.

торую одесскихъ питейныхъ сборовъ, всѣ питейные дома, трактирные заведенія, винные погреба и ведерныя были заперты еще съ вечера 9-го числа. Они были закрыты до 14-го апрѣля, т. е. до того времени, когда непріатели оставили одесскій заливъ. Вслѣдъ за тѣмъ, запрещено было курить сигары и папиросы по улицамъ. Съ простолюдиновъ-же, извозчиковъ, лакеевъ и рабочаго класса, которые еще недавно позволяли себѣ у насъ это удовольствіе, приказано строжайше взыскивать за нарушение этого приказанія. Приказано еще закрывать, послѣ вечерней зари, всѣ публичныя заведенія и простому народу не ходить по улицамъ.

По всему этому, жители вполне успокоились относительно внутренней тишины и безопасности. Она господствовала въ городѣ во все продолженіе смутной поры и водворилась съ того времени уже окончательно въ немъ. Теперь оказалось, что совершенно напрасно издерживались многіе изъ жителей, запасаясь на прошлой недѣлѣ ривольверами, ятаганами и всякимъ оружіемъ. Съ полной безопасностію, можно было и оставаться у себя въ домѣ, и ходить не только по улицамъ и площадямъ, но и по предмѣстьямъ и дачамъ, и наконецъ разъѣзжать по окрестностямъ. Были даже, какъ извѣстно, случаи, что многіе, убѣгая отъ непріателя, оставляли свои дома съ мебелью, утварью, одеждой и вещами на руки какого нибудь, не всегда трезваго, дворника, или просто бросали все это незапертое, съ незапертыми-же дверями, въ домъ, на произволъ случая. Возвратившись, они на-

ходили все свое достояніе въ совершенной цѣлости: до того охраненіе личностей и собственности водворилось въ сферѣ одесской жизни. Замѣчательно, что народный смыслъ не понималъ причины этого общаго благоустройства, тишины и безопасности, и потому не преминулъ отнести ихъ къ чему-то чрезвычайному: въ городѣ, въ воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ, носились слухи, что самъ фельдмаршалъ живетъ въ немъ инкогнито; другіе говорили, что даже разныя высшія лица, прибывшія изъ Петербурга, тайно наблюдаютъ за городомъ. Въ послѣдствіи, когда минула смутная пора, консулы иностранныхъ державъ, такъ какъ всего болѣе иностранцы опасались оскорбленій со стороны простаго народа и грабежей со стороны черни, сочли долгомъ благодарить исправляющаго должность Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта Н. Н. Анненкова и г. Одесскаго военнаго губернатора, генераль-лейтенанта Н. И. Крузенштерна за мѣры, принятыя въ городѣ къ охраненію всѣхъ вообще его жителей, къ какой-бы націи и религіи они ни принадлежали.

Воскресенье, вопреки тревожнымъ ожиданіямъ, прошло благополучно. Насталъ понедѣльникъ. Тутъ рано утромъ, многіе изъ жителей пошли на бульваръ узнать, чтò дѣлается съ непріательскимъ флотомъ. По прежнему стоялъ онъ молча и недвижимо. Это бездѣйствіе еще вчера показалось подозрительнымъ. Теперь подозрѣнія усилились.

Въ умахъ робкихъ и склонныхъ къ предположеніямъ, явилась мысль — не поджидаетъ ли флотъ турецкой эскадры съ десантомъ. Вѣроятность этого, по мнѣнію иныхъ, усиливалась еще тѣмъ, что сколь ни злобствовали враги наши въ страстную субботу, но не нанесли много вреда городу. Haben sie gehört: fünf und dreißig tausend Türken kommen? ²⁵⁾ сказалъ мнѣ, встрѣтившись со мною, мой знакомый деревенскій пасторъ. Онъ былъ красенъ, щурилъ глаза и улыбался съ какой-то принужденностью и горечью. Я успокоилъ, сколько могъ, бѣднаго, встревоженного пастора. Дѣло въ томъ однако, что не онъ одинъ думалъ такимъ образомъ: многіе опасались высадки въ большомъ размѣрѣ, поговаривали о ней и спѣшили переселиться.

Отъ этого безпрестаннаго переселенія, городъ не опустѣлъ однако совершенно. Въ вечеру, въ понедѣльникъ-же, на бульварѣ играла музыка обоихъ уланскихъ полковъ. Баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ, Н. Н. Анненковъ, Н. И. Крузенштерпъ и другіе генералы были въ числѣ гуляющихъ, которыхъ собралось довольно много. Непріятелю, со своихъ кораблей, не могли не слышать этой музыки и не видѣть гулянья. Чтò-то думали они? не знаемъ, но только эта музыка и это гулянье въ городѣ, который могъ ожидать вторичнаго бомбардированія, конечно, казались имъ чѣмъ-то загадочнымъ. Не могли они однако не понять, что твердость духа и спокойствіе, съ которыми встрѣтили ихъ однажды, готовы встрѣтить ихъ и во второй разъ.

²⁵⁾ Слышали-ли вы: тридцать пять тысячъ Турокъ идутъ?

Во вторникъ, вышло чрезвычайное прибавленіе къ Одесскому вѣстнику, содержавшее въ себѣ приказъ барона Д. Е. Остенъ-Сакена о событіяхъ страстной субботы и о томъ, что, разрушенная и вновь сооружаемая, батарея № 6 переименовывается въ щеголевскую. Мужественная стойкость Щеголева и его батареи извѣстны были уже всѣмъ, но теперь узнали обо всемъ дѣлѣ положительно и съ подробностями. Появленіе этого листка развлекало и порадовало жителей Одессы: оно привело въ сознаніе, что обычная, городская жизнь начинаетъ возобновляться. Всѣ на расхватъ старались достать его, чтобы сохранить на память пережитаго, смутнаго дня. Вторникъ, по продолжительному бездѣйствію непріятели, стоявшаго также недвижно, какъ и прежде на нашемъ рейдѣ, жители Одессы провели уже болѣе спокойно. Въ этотъ день, опущенные до полу-мачтъ, флаги непріятельскихъ кораблей, показали, что на нихъ происходитъ погребеніе какого-то изъ высшихъ офицеровъ, который смертельно раненъ былъ въ субботу. Такъ, по крайней мѣрѣ, оказалось по свѣдѣніямъ, позже полученнымъ ²⁶⁾. Иные увѣряли еще, что видѣли, какъ, въ этотъ день, опускали что-то черное въ воду, и слышали выстрѣлы, направленные въ открытое море.

Вотъ что баронъ Остенъ-Сакенъ доносилъ, въ этотъ день, Г. Главнокомандующему дѣйствующею арміею (Одес. Вѣстн. № 47-ой).

²⁶⁾ См. выше показанія шкиперовъ въ примѣчаніи на стр. 73.

«Сегодня Англо-Французскій флотъ не только ничего противъ Одессы не предпринималъ, но видить, производимыя нами въ большомъ размѣрѣ, работы, и нисколько имъ не препятствуетъ.

«Для меня не постижимо это бездѣйствіе; но, во всякомъ случаѣ, видимы благословенное Богомъ наше оружіе и правое наше дѣло. Отпоръ, данный неприятелю съ малыми средствами противъ огромной его артиллеріи, и двѣнадцати-часовое тщетное усиліе сбить прибрежныя батареи — не могли не произвести на него впечатлѣнія, тѣмъ сильнѣйшаго, что участвовавшія въ бою суда его болѣе или менѣе потерпѣли».

Въ среду, 14 апрѣля, утромъ, по городу пронеслась вѣсть, что союзный флотъ, въ то-же утро, часу въ восьмомъ, снялся съ якоря и ушелъ въ море. Она пронеслась съ неслыханной быстротою и была предметомъ общей радости и разговоровъ. Многіе не хотѣли вѣрить и бѣжали на набережную удостовѣриться собственными глазами, но неприятеля уже не было: пустынная поверхность моря открывалась спокойно и торжественно. Только съ прибрежныхъ дачъ замѣтно было постепенное удаленіе кораблей. Тутъ-же узнали, что рано по утру, въ этотъ день, адмиралъ Дундасъ выслалъ на австрійскомъ суднѣ въ Одессу 49 человекъ шкиперовъ и матросовъ, которые, вмѣстѣ съ каботажными судами нашими, на коихъ они находились, захвачены были неприятельскими пароходами, послѣ 1-го апрѣля, на одесскомъ рейдѣ, у Очакова, Кинбурна, Бугаса и въ другихъ мѣс-

тахъ²⁷⁾. Они отправлены были при письмѣ слѣдующаго содержанія (Одес. Вѣстн. № 47-ой).

«Вице-адмиралъ Дундасъ имѣетъ честь увѣдомить его превосходительство генераль-адъютанта Его Величества Императора Всероссійскаго, барона Остенъ-Сакена, что, такъ какъ соединенныя эскадры не желаютъ удерживать долѣе, чѣмъ было необходимо, небольшое число Русскихъ купеческихъ матросовъ (всего 49 чел.), захваченныхъ ими въ плѣнъ, то онъ передалъ ихъ австрійскому судну, съ тѣмъ, чтобъ они были имъ высажены въ Одессѣ».

J. W. Dundas.

Корабль Ея Величества «Британнія»

у Одессы, 12-го (24-го) апрѣля 1854 года.

По мнѣнію возвратившихся шкиперовъ, соединенныя эскадры отправились изъ Одессы въ Синопъ, или куда либо для снабженія свѣжею провизіею, въ которой на флотъ весьма нуждались. Извѣстно однако, что во второй половинѣ апрѣля флотъ этотъ крейсировалъ у Севастополя.

Когда флотъ удался, жители начали мало по малу возвращаться въ городъ. На улицахъ, явилось движеніе. Магазины и лавки открылись. Подъ качелями собрался народъ, и все пошло обычнымъ ходомъ. Одесса обновилась и, еще на-канунъ вражески противопоставленная

²⁷⁾ Показанія ихъ приведены выше.

англичанамъ и французамъ, теперь со всею ясностію создала, что она городъ не иностранный, а руссій, кровію своею запечатлѣвшій свою принадлежность великой Имперіи. Она начала новую жизнь.

На другой день, въ четвергъ 15 апрѣля, назначено было торжественно-благодарственное Господу Богу молебствіе о благополучномъ отраженіи непріятельскихъ, соединенныхъ эскадръ отъ Одессы, и справедливо сказано было, что какъ день 10 апрѣля былъ однимъ изъ самыхъ мрачныхъ, такъ день 15 апрѣля сдѣлался однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дней въ лѣтописяхъ Одессы. По утру, въ этотъ день, былъ парадный пріемъ чиновныхъ, военныхъ и гражданскихъ лицъ, купечества и иностранныхъ консуловъ у барона Д. Е. Остенъ-Сакена. Всѣ поздравляли и благодарили его за достославную оборону города и за строгія мѣры, съ самого начала смутной поры, принятыя къ охраненію внутренняго порядка.

Въ 10 часовъ преосвященный Иннокентій, архіепископъ херсонскій и таврической, совершилъ въ Архангело-Михайловскомъ монастырѣ соборно божественную литургію. По окончаніи ея, архипастырь произнесъ слово, дышущее глубокимъ благодареніемъ Господу, Подателю силъ, за чудесное сохраненіе Одессы въ тяжкую минуту непріятельскаго нападенія. Онъ призывалъ этотъ городъ, «въ знакъ новаго крещенія, начать отселе и новую, святую жизнь, достойную града богоспасаемаго.» Между тѣмъ, два полка уланъ, жандармская команда 3-го пѣхотнаго корпуса, двѣ сотни дунайскихъ козаковъ, 16

батальоновъ пѣхоты и шесть батарей конной и пѣшей артиллеріи, всѣ сподвижники славнаго дѣла, выстроились стройными рядами на крѣпостной эспланадѣ, фронтомъ къ бывшей крѣпости, правымъ флангомъ къ монастырю, а лѣвымъ къ побережью. Предъ войсками, на возвышеніи, которое господствуетъ надъ всей окрестностью, устроенъ былъ налож для богослуженія. Когда литургія окончилась, великолѣпная процессія отправилась къ этому наложу. Въ предшествіи живоноснаго Креста и хоругвий, шелъ архипастырь и за нимъ генералы со своими адъютантами, высшіе чины гражданскаго вѣдомства, иностранные консулы, купечество и граждане. По мѣрѣ прохожденія процессіи мимо войскъ, штандарты и знамена ихъ присоединялись къ шествію. Военная музыка вторила церковнымъ гимнамъ. Когда процессія стала у налож, хоругви и знамена окружили его, и молебствіе началось. Было нѣчто священо-великое въ этомъ торжествѣ вѣры и благодаренія. Архипастырь и священство, сонмъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, — на возвышеніи и подъ этимъ возвышеніемъ, тысячи войска и тысячи народа, и все это съ обнаженными главами, колѣнопреклоненное, славило Господа, Подателя благъ, и возсылало теплую молитву къ Его Престолу. Солнце, въ яркомъ сіяніи, безоблачная лазурь неба и воздухъ, растворенный животельной теплотою, какъ-бы принимали эту молитву и несли горѣ къ Престолу Царя Небеснаго. Только вѣтерокъ, какъ чадо земли, рѣзвился и помавалъ знаменами. Когда-же священнослужитель возгласилъ многолѣтіе Царю

и Его Дому, громы пушекъ съ прибрежныхъ и полевыхъ батарей и громоносное ура! всего войска и всего народа огласили воздухъ. Онъ потрясся, но уже не угрожающій и страшный, а ликующій и долгоденствіе Царя Православнаго, и побѣду и славу Его оружія. По окончаніи молебствія, Преосвященный обходилъ войска, окроплялъ ихъ святою водою и вручалъ по освященной просфорѣ каждому полку и батарее. Музыка между тѣмъ играла и пѣвчіе пѣли сперва псаломъ: «Коль славенъ Господь во Сионѣ,» а потомъ народный гимнъ. Затѣмъ начался церемоніальный маршъ. Болѣе 18,000 войска, стройнаго и мужественнаго, проходило мимо своего вожда, доблестнаго и неустрашимаго предъ полчищемъ враговъ.

Одесса никогда не видала въ стѣнахъ своихъ подобнаго религіозно-воинственнаго торжества. Въ тоже время и въ здѣшней римско-католической церкви совершенно было благодарственное Господу Богу молебствіе объ отраженіи непріятельскаго флота отъ Одессы.

Въ субботу, 17 апрѣля, Одесса праздновала высоко-торжественный день рожденія Его Императорскаго Высочества, Государя Цесаревича Наслѣдника Престола. Въ вечеру, городъ былъ иллюминированъ, а на театрѣ, въ первый разъ послѣ Великаго поста, дана была итальянская опера. Во вторникъ, 20-го, въ одесскомъ клубѣ данъ былъ, отъ имени почетнѣйшихъ жителей города, обѣдъ въ честь барона Д. Е. Остенъ-Сакена, во изъявленіе благодарности его особѣ за все, сдѣланное для Одессы.

Всей Россіи извѣстно, сколь великодушно и щедро Всемилостивѣйшій Монархъ наградилъ подвиги и достойнаго архипастыря, и доблестнаго военачальника, и этого юнаго прапорщика, на котораго выпалъ жребій ближайшимъ образомъ показать всю твердость и неустрашимость Русскаго оружія, и всѣхъ, участвовавшихъ въ славномъ дѣлѣ отраженія англо-французскаго флота отъ Одессы. И самый городъ осчастливленъ былъ высокимъ знакомъ Монаршаго вниманія: Государю Императору благоугодно было, въ грамотѣ отъ 26-го апрѣля, выразить особенное, Монаршее благоволеніе Одессы за то, что достохвальное чувство сознанія долга, указуемаго святою Вѣрою и преданностію къ Престолу, явилось въ ней въ полномъ развитіи, подъ громомъ непріятельскихъ орудій. И граждане Одессы поняли, и оцѣнили это милостивое вниманіе возлюбленнаго Монарха: одесское купеческое общество, движимое чувствомъ вѣрнопопданнической преданности, изъявило желаніе ознаменовать день обнародованія Высочайшей грамоты, 9-ое Мая: оно положило имѣть на своемъ содержаніи изъ обывателей города Одессы двухъ учениковъ, одного въ гимназій, состоящей при Ришельевскомъ лицей, другаго въ самомъ лицей, и одного изъ евреевъ въ частномъ пансіонѣ, которые, по Всемилостивѣйшему соизволенію, будутъ именоваться «Николаевскими.» Кромѣ того, въ ознаменованіе того-же дня, купечество устроило на свой счетъ телеграфы отъ Одессы до Очакова.

Въ заключеніе, сами собою, представляются вопросы: каковы были результаты англо-французскаго нападенія на Одессу? — какъ переданы были обстоятельства его въ иностранныхъ, офиціальныхъ газетахъ, и — какой дѣйствительный вредъ нанесенъ былъ городу?

Нападеніе англо-французовъ на Одессу было отражено (repoussé). Адмиралы Дундасъ и Гамеленъ требовали выдачи имъ, находившихся въ одесскихъ гаваняхъ, русскихъ, англійскихъ и французскихъ, купеческихъ судовъ. Суда эти имъ выданы не были. Англійскія и французскія суда, которыхъ судьба еще не была извѣстна, и которымъ только въ послѣдствіи разрѣшено было уйти, оставались въ гавани, и экипажи съ нихъ были сняты. Нѣсколько же французскихъ судовъ, ушедшихъ въ субботу 10 апрѣля, къ союзному флоту, имѣли паспорта, уходили было изъ Одессы и воротились въ нее только по случаю противнаго вѣтра, на временную стоянку. Слѣдовательно, 10-го апрѣля, ничто не препятствовало имъ выйти изъ карантинной гавани, и выходъ этотъ былъ въ ихъ волѣ. Изъ русскихъ же, хотя нѣкоторыя и погибли, при пожарѣ на практической гавани, но другія, болѣе или менѣе поврежденныя, были подчинены и уцѣлѣли. Если непріатели сожгли конгревовыми ракетами нашу батарею № 6, то и сами они принуждены были взять во время боя, три парохода свои на буксиръ²⁸⁾, и кромѣ

²⁸⁾ См. приказъ барона Остенъ-Сакена отъ 11 апр. за № 16. (Одес. Вѣст. № 40) Многие изъ одесскихъ жителей видѣли это и своими собственными глазами.

того потерпѣли разныя поврежденія на остальныхъ пароходахъ и на фрегатахъ, два раза подходившемъ къ батарее № 1. Число-же убитыхъ и раненыхъ, несмотря на несоотвѣтствіе силъ нашихъ въ сравненіи съ 9 пароходами, вооруженными бомбическими пушками, было почти одинаково съ обѣихъ сторонъ²⁹⁾.

Да позволено намъ будетъ сказать при этомъ, что заслуга барона Остенъ-Сакена — въ томъ, что онъ ни на волосъ не уступилъ требованіямъ адмираловъ Дундаса и Гамелена, ни мало не устранился громадной несообразности силъ и хладнокровно принялъ неравный бой. Заслуга прапорщика — въ томъ, что, примѣромъ своимъ, онъ показалъ, что наши войска и батареи, до послѣдняго издыханія, будутъ держаться и отражать вражій напоръ. Если-бы адмиралы Дундасъ и Гамеленъ возобновили и продолжали нападеніе, они, быть можетъ, разрушили-бы и сожгли наши батареи и принесли гораздо болѣе вреда городу, но и сами они должны-бы были потерпѣть и потерять многое.

Касательно того, какъ переданы были обстоятельства и результаты сраженія въ иностранныхъ, офиціальныхъ

²⁹⁾ Вотъ что писалъ баронъ Остенъ-Сакенъ въ приказѣ отъ 11 апрѣля за № 16 (Одес. Вѣст. № 40).

«Богъ видимо осыпалъ защитниковъ Вѣры, Царя, и чести Россіи; при смертоносномъ огнѣ непріятельскихъ орудій большаго калибра, дѣйствовавшихъ ядрами, бомбами и картечными гранатами, потеря наша состоитъ изъ убитыхъ 4-хъ нижнихъ чиновъ, раненыхъ: артиллеріи подполковника Мещерскаго, нижнихъ чиновъ 45-ти, и контуженныхъ нижнихъ чиновъ 12. 0 потерь на союзномъ флотѣ смотр. показаніе шкиперовъ (прим. 20).

газетахъ, приводимъ здѣсь въ подлинникѣ донесеніе адмирала Гамелена своему министру, напечатанное въ Монитерѣ 11-го мая. Къ этому донесенію необходимо однако сдѣлать нѣкоторые примѣчанія.

«Le 21 avril au soir, le général d'Osten-Sacken n'ayant fait aucune réponse à notre sommation, l'attaque fut résolue pour le lendemain matin. Par suite des combinaisons que l'amiral Dundas et moi avions adoptées de concert, les deux frégates françaises «le Vauban», capitaine d'Herbington, «le Descartes», capitaine Darricau, réunies aux deux frégates anglaises «le Tiger», capitaine Gifard, et «le Sampson», capitaine Jones, le plus ancien de cette division, arrivent à six heures et demie du matin, à neuf ou dix encâblures de distance devant la batterie du port «*Impérial*», qui leur envoie un premier coup de canon: les frégates lui ripostent vivement, mais le calibre de nos bouches à feu étant plus fort que celui des batteries de l'ennemi, nos coups sont plus sûrs que les siens; pendant que cette première lutte s'engage, le vaisseau anglais «le Sans-Pareil» mouille avec la corvette à vapeur «le Hyghlyer», à la limite extrême de la portée de canon des batteries, non pour prendre part au combat, mais pour servir au besoin de point d'appui aux frégates engagées. Au même instant, la frégate à vapeur française «le Mogador», capitaine de Wailly; la frégate à vapeur anglaise «la Terrible», capitaine Cleverty; «le Furious», capitaine Loring, et «la Retribution», capitaine Drummond, le plus ancien de tous,

s'approchent du lieu de l'action pour y prendre part, lorsque le signal leur en aura été fait par les amiraux.

«Le feu dure depuis une heure et demie, lorsque la frégate «le Vauban» reçoit trois boulets rouges, dont un brise quelques rayons de ses roues à aubes, et les autres mettent le feu dans sa muraille à vent: les pompes sont en jeu pour éteindre l'incendie, mais vainement; un des boulets rouges a pénétré entre maille et brûlé intérieurement la muraille de la frégate à petit feu. M. le capitaine de vaisseau comte Bouët-Willaumez, chef d'état-major de l'escadre, auquel j'avais donné l'ordre de se tenir à bord du «Caton», pour suivre sur les lieux toutes les phases de l'affaire et aviser aux cas urgents, arrive alors à bord du «Vauban», qui a stoppé et prescrit au commandant de cette frégate de quitter momentanément le théâtre de l'action et d'aller mouiller au milieu des escadres, afin d'en recevoir les secours nécessaires.

«Peu de temps après, la seconde division de quatre frégates à vapeur reçoit l'ordre de *venir soutenir* les trois premières frégates engagées, ce qu'elles commencent à effectuer avec vigueur vers dix heures et demie. Les obus des sept frégates tombent comme grêle sur la batterie du port *Impérial* et les *magasins* et navires qu'il renferme, où des symptômes d'incendie commencent même à se manifester sérieusement. *Des batteries, établies sur les hauteurs d'Odessa, joignent leurs feux à celui des pièces du port Impérial.* Non loin des frégates, six

chaloupes anglaises se rapprochent de ce port dans la partie N. O. du môle, où l'ennemi n'a pas établi de bouches à feu, et lancent force fusées à la Congrève, qui paraissent produire fort bon effet.

« Il est midi : « le Vauban », qui a éteint son incendie, vient de quitter les escadres pour rallier les autres frégates à vapeur anglaises et françaises, lesquelles rivalisent d'ardeur et d'habileté dans leur tir, auquel prend même part momentanément la corvette à vapeur française « le Caton », capitaine Pothuau. »

A une heure, l'incendie est complètement déclaré dans les magasins et casernes ⁶ du port Impérial, dont les toitures s'écroulent en flammes. Presque au même instant, la poudrière ⁷ de la batterie de ce port saute en l'air, aux cris de *Vive l'Empereur !* des équipages français qu'accompagnent les hurras des matelots anglais.

« L'œuvre de destruction du port Impérial ⁸ marche rapidement sous les coups redoublés des frégates, qui profitent du désordre occasionné à terre par l'explosion de la poudrière pour s'avancer de deux encablures et foudroyer plus promptement une quinzaine de petits bâtiments russes ⁹ renfermés dans la darse. Comme elles se rapprochent ainsi des batteries du port de commerce, les bouches à feu de ce port, qui avaient cessé un instant de tirer, recommencent alors sur nos frégates un feu assez vif, auquel vient se joindre celui des mortiers établis sur les hauteurs d'Odessa. Mais les frégates n'en accélèrent pas moins leur œuvre de destruction, et c'est

à qui manœvrera et canonnera le mieux, ¹⁰ tantôt en combattant à l'ancre, tantôt en combattant sous vapeur. Dans ce cercle de plus en plus resserré où se meuvent neuf bâtiments à vapeur, pas une fausse manœuvre ne se fait remarquer. Un instant le feu d'une partie de ces frégates change de direction, c'est pour forcer à la retraite une batterie de campagne que l'ennemi a établie à leur droite sur la plage, dont s'étaient approchées les chaloupes lançant les fusées à la Congrève. A quatre heures, cette batterie, mise en déroute par les obus des frégates, s'est repliée dans l'intérieur après avoir été cause de l'incendie qu'allument ces obus dans quelques maisons d'un village ¹¹; tous nos coups sont alors dirigés contre les bâtiments russes ¹² encore à flot dans le port impérial et que les flammes ne tardent pas à dévorer à leur tour, vers quatre heures et demie; bref, la destruction de ce port est complète ¹³, et celle de la ville d'Odessa, en ce moment à notre merci, ne tarderait pas à suivre si nous en faisons le signal à notre escadre de bâtiments à vapeur; mais le but que nous avons en vue est atteint complètement, et c'est au contraire le signal de cesser le feu et de rallier nos pavillons que l'amiral Dundas et moi faisons à ces bâtiments.

« Tel est, monsieur le ministre, le châtement que nous avons cru devoir infliger, non à la ville, mais aux autorités militaires d'Odessa, en raison de l'attentat dont elles s'étaient rendues coupables à l'égard d'un de nos bâtiments portant pavillon parlementaire. ¹⁴ Ni les trente

mille hommes ¹⁵ de la garnison d'Odessa, ni les soixantedix canons de *sa forteresse et de ses batteries* ¹⁶, n'ont pu préserver le port *Impérial* du désastre que nous lui avons réservé en le faisant attaquer par nos frégates à vapeur.

«Ce n'est pas sans étonnement d'ailleurs que nous avons remarqué *l'absence de tout pavillon russe* ¹⁷, soit sur les batteries, soit sur les établissements ou les navires du port, alors que nous avons toutes les couleurs hautes. Un pareil oubli des règles militaires ne peut être attribué qu'au *désordre* ¹⁸ qui régnait dans la ville dès le commencement de l'attaque.

«Les pertes de l'ennemi *en hommes* ¹⁹ ont dû être assez sérieuses, par suite des *explosions et des incendies qui se manifestaient de toutes parts*. ²⁰ A bord de nos bâtiments à vapeur, elles sont nulles, bien que «le Descartes» ait reçu cinq boulets, et «le Vauban» et «le Mogador» chacun quatre. Toutefois cette première frégate, «le Vauban,» a eu à regretter deux hommes tués et deux hommes blessés, par suite d'un accident arrivé à une de ses bouches à feu.

«A bord des frégates à vapeur anglaises, les pertes se réduisent à un homme tué et à dix hommes blessés. ²¹

«Un pareil résultat, monsieur le ministre, atteste hautement *l'immense supériorité de calibre et de tir* ²² des bouches à feu de nos frégates à vapeur sur celles de l'ennemi, et, si *l'art suprême de la guerre consiste à faire beaucoup de mal sans en recevoir* ²³, jamais semblable maxime ne reçut une plus complète application.

«J'ajouterai que plusieurs bâtiments de commerce ont profité du désordre occasionné par l'attaque pour sortir du port marchand, et notamment les deux seuls navires français qui s'y trouvaient retenus.

«Hier 23, les établissements du port *Impérial* brûlaient encore. La corvette «Le Fury», capitaine Ed. Tatham, sur laquelle j'avais envoyé mon premier aide de camp, M. le lieutenant de vaisseau Garnault, a eu mission d'aller constater les ravages exercés dans le port *Impérial*. Elle a reconnu qu'à *l'exception de deux ou trois*, ²⁴ les bâtiments que renfermait ce port avaient été brûlés ou coulés; que la batterie construite au bout du môle n'existait plus, et que les établissements *de l'amirauté* ²⁵ étaient détruits ou complètement dévastés. Dans cette excursion, «le Fury» a lancé quelques obus sur la plage où avait paru hier la batterie de campagne, et où l'on élevait *quelques ouvrages* ²⁶ en terre. Ces obus ont abattu une partie des ouvriers et mis les autres en fuite. ²⁷

1. Это наша практическая гавань. Императорской она никогда не называлась, да и назвать ее этимъ почетнымъ именемъ нѣтъ никакого повода. 2. Стало быть, поддержка была необходима. 3. Деревянный сарай паровой комиссіи и присяжная будка. 4. Несправедливо. Съ непріятелемъ сражалась одна щеголевская батарея. Батареи №№ 4 и 5, расположенныя на полувысотѣ, не принимали участія въ бою. Батарея № 3, на концѣ карантиннаго мола, встрѣчала и провожала пароходы на пути ихъ къ практической гавани и обратно. Сначала, она

имѣла свое особое, небольшое дѣло. Батарея № 2, у входа на карантинный молъ, по своему положенію, могла только помогать огнемъ своимъ дѣйствіямъ батарея № № 3 и 1. Батарея № 1, единственная, тогда расположенная на высотѣ, имѣла, какъ мы видѣли, два свои особыя дѣла. 5. Стало быть, нужна была и еще новая помощь союзникамъ. 6. Никакихъ казармъ ни на практическомъ молѣ, ни возлѣ него не было, и никакія крыши не валились. 7. La poudrière не то, что четыре пороховыхъ ящика. 8. Несправедливо. Практическая гавань осталась совершенно цѣла. Только переднія сваи ея обгорѣли. 9. Тутъ были не только русскія, но и австрійскія и турецкія суда. 10. Хвастовство. 11. Ни слова о покушеніи на высадку. 12. За нѣсколько строкъ передъ этимъ, адмиралъ Гамеленъ говоритъ, что русскія купеческія суда уже горѣли и были разрушены. Къ чему-же еще стрѣлять по нимъ? Но онъ скрываетъ, что въ это время дѣйствія пароходовъ обращены были исключительно противъ города. 13. Несправедливо. См. выше. 14. И дерзко, и несправедливо. 15. Войскъ въ Одессѣ тогда было несравненно менѣе. 16. Никакой крѣпости въ Одессѣ нѣтъ. Была, правда, дѣтъ за 40 передъ этимъ, какаѣ-то крѣпостца въ ней; но теперь на валахъ ея пушекъ нѣтъ, а гуляютъ дѣти съ няньками. На батареяхъ-же было всего 42 пушки и 6 мортиръ (см. приказъ отъ 11 апр. Од. В. № 40). 17. Батареи были болѣе дѣломъ городскимъ, нежели государственнымъ и назначались для внезапнаго нападенія какихъ-нибудь

турецкихъ корсаровъ. Потому и флага на нихъ не было. Спросимъ мы, съ своей стороны: почему не было флага на Фюриусѣ 27 марта и на трехъ пароходахъ, приходившихъ 1-го апрѣля? Отвѣтъ ясенъ: это были корсары, а не военныя суда. 18. Въ городѣ не было ни малѣйшаго безпорядка, а начальствующія лица сохраняли совершенное хладнокровіе. 19. Весьма незначительны, въ сравненіи съ адскимъ напоромъ непріятелей. См. примѣчаніе на стр. 99. 20. Преувеличено. 21. Не слишкомъ ли мало все это. А что значать флаги, опущенные до полумачтъ 13 апрѣля? Ихъ видѣла вся Одесса. 22. Хороша стрѣльба, когда для того, чтобы зажечь суда, деревянный сарай и деревянные-же мерлоны нужно было 6½ часовъ. 23. Эта фраза, со стороны адмирала Гамелена, краснорѣчиво говоритъ сама за себя. 24. Слѣдовательно, цѣль атаковавшихъ все-таки, и по словамъ самого г. Гамелена, не была достигнута. Этихъ двухъ или трехъ судовъ они и не получили, и не сожгли. 25. Не понимаемъ, откуда адмиралъ Гамеленъ взялъ это адмиралтейство. 26. Замѣчательнъ легкой тонъ этихъ словъ. Какъ будто Фюри не видѣлъ, что работа эта была батарея, уже приводимая къ концу. 27. Несправедливо: за удержаніе рабочихъ арестантской роты при своемъ дѣлѣ, офицеръ, начальствовавшій ими, получилъ награду.

Занимаемъ еще изъ Journal de St. Petersburg нѣсколько замѣчаній на это-же донесеніе адмирала Гамелена (переводъ въ Одес. Вѣст. 1854 г. № 56).

«И такъ, что-же остается отъ подвиговъ, такъ само-

хвально повѣствуемыхъ главнокомандующимъ французской эскадры? Уничтоженіе нѣсколькихъ каботажныхъ судовъ и, болѣе или менѣе значительныя, поврежденія, причиненныя нѣкоторымъ другимъ судамъ! Какъ явствуетъ изъ подробнаго донесенія, полученнаго по сему предмету департаментомъ внѣшней торговли, большая часть судовъ, въ видахъ предосторожности, потоплены были самими шкиперами.

«Мы не могли имѣть въ виду, говоритъ г. Гамеленъ, причинить какой нибудь вредъ городу Одессѣ, равно какъ и его купеческой гавани». Мы уже замѣтили, что гавань, которую г. Гамеленъ называетъ *Императорскою*, и которую адмиралы предприняли разрушить, есть въ сущности ничто иное, какъ практическая гавань, преимущественно назначенная для каботажныхъ судовъ, слѣдовательно, такая же купеческая гавань, какъ и другая, носящая названіе *караинной*, и о различіи между двумя этими гаванями можно говорить только съ точки зрѣнія общественнаго здравія.

»Но обратимся къ городу. Судя по донесенію французскаго адмирала, можно подумать, что городъ былъ пощаженъ. Чтобы уяснить истину, стоитъ только обратить вниманіе на дома, пораженные неприятельскими выстрѣлами, вспомнить о бомбахъ, которыя были собраны на улицахъ, и изъ коихъ нѣкоторыя долетали до самыхъ отдаленныхъ частей города; въ городѣ убито три человека и ранено восемь. Эти факты, которые можно повѣрить на мѣстѣ, показываютъ — въ какой мѣрѣ правдиво фран-

цузское донесеніе; мы можемъ указать въ немъ еще на нѣкоторыя ошибки. Полевая батарея, построенная въ предмѣстѣи Пересыпь, не была опрокинута (*mise en déroute*), какъ увѣряетъ донесеніе, но напротивъ сама отразила и принудила къ поспѣшному отступленію неприятельскія лодки, отдѣлившіяся къ берегу, подъ прикрытіемъ парходовъ, съ явною цѣлію сдѣлать высадку.

«Вице-адмиралъ Гамеленъ говоритъ о «смятеніи, господствовавшемъ въ городѣ съ самого начала нападенія.» Жители Одессы и находившіеся въ ней иностранцы могутъ засвидѣтельствовать, что порядокъ не былъ ни на минуту нарушенъ въ городѣ, что богослуженіе въ Великую субботу не потерпѣло ни малѣйшаго перерыва, что иностранцы находились въ совершенной безопасности; известно даже, что иностранные консулы выразили, въ офиціальномъ актѣ, уже доведенномъ до свѣдѣнія публики, единодушную признательность за покровительство, оказанное ихъ соотечественникамъ.

«По донесенію вице-адмирала Гамелена, два французскія купеческія корабля будтобы воспользовались этимъ мнимымъ смятеніемъ и вышли изъ гавани; мы, съ своей стороны, скажемъ, что эти два корабля, хотя и нагруженные хлѣбомъ, имѣли право выйти въ море, по Высочайшему разрѣшенію, основанному на томъ, что они нагрузились и уже вышли изъ Одессы прежде, чѣмъ было объявлено запрещеніе вывозить хлѣбъ; бури принудили эти суда возвратиться въ Одесскій портъ для починки понесенныхъ ими поврежденій.

«Г. вице-адмиралъ Гамеленъ приписываетъ смятенію, будто-бы господствовавшему въ Одессѣ, отсутствіе Русскаго флага, во время боя. Это, изумившее его, отсутствіе флага объясняется очень просто отсутствіемъ всякой крѣпости, всякаго зданія адмиралтейства, и даже всякаго военнаго судна, вопреки англійскимъ газетамъ, которыя показали еще бѣльшую щедрость, взорвавъ въ Одессѣ на воздухъ фрегатъ, и уничтоживъ еще девять фрегативъ на верфи. Одесскія батареи не суть постоянныя верки; онѣ были выстроены и вооружены лишь на время, для защиты гавани отъ отдѣльныхъ крейсеровъ или отъ Турокъ, потому что, должно признаться, мы и не помышляли о возможности нападенія на городъ мирный, чисто-торговый, со стороны союзныхъ эскадръ двухъ образованныхъ націй. Прибавимъ, что у насъ отдѣльныя батареи не имѣютъ флага.

«Великіе подвиги союзныхъ эскадръ, при этихъ обстоятельствахъ, внушаютъ г. вице-адмиралу Гамелену замѣчаніе, которое онъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Если высшее, военное искусство, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы наносить много вреда, не испытывая его, то это правило *никогда* не имѣло *болѣе* *полнаго* *приложенія*.» Эта громкая фраза имѣла-бы логическій смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если-бы одесскія батареи были безсильны нанести какой-либо вредъ непріятельскимъ судамъ. Но если это было дѣйствительно такъ, то мы спросимъ: по какой причинѣ, 10-го (22-го) апрѣля, три фрегата, а на другой день, корветъ «Fury», были взяты на

буксиръ и поставлены внѣ пушечныхъ выстрѣловъ съ нашихъ батарей? Когда фрегаты, снабженные могучимъ двигателемъ — паромъ, послѣ битвы, должны быть взяты на буксиръ, то позволительно полагать, что этому хотя сколько-нибудь способствовали батареи противной стороны.

«Гг. адмиралы говорятъ, будто достигли своей цѣли, подвергнувъ Одесскія военныя начальства тому наказанію, какому желали. Между тѣмъ, въ ихъ письменномъ обращеніи къ Одесскому военному начальству, были высказаны, въ повелительныхъ выраженіяхъ, требованія, чтобы союзнымъ эскадрамъ были «тотчасъ-же» выданы всѣ англійскія, французскія и русскія суда, находившіяся въ Одессѣ. Послѣ усердной стрѣльбы, они покинули воды Одессы, не получивъ судовъ, которыхъ такъ повелительно требовали. Но если требуютъ чего-нибудь такимъ грознымъ тономъ, если прибѣгаютъ къ военной силѣ, чтобы подкрѣпить свои угрозы, и потомъ удаляются, не получивъ требуемаго, то если это не называется *неудачей*, мы уже не знаемъ, какъ и назвать это.»

Что касается того, какой дѣйствительный вредъ нанесенъ былъ городу отъ бомбардированія, произведеннаго 10 числа англо-французами, мы заимствуемъ здѣсь изъ Одесск. вѣстника свѣдѣнія, сообщаемыя, по этому предмету, г. исправляющимъ должность Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль-губернатора, генераль-адъютантомъ П. Н. Анненковымъ.

«Исправляющій должность Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль-губернатора, генераль-адъютантъ Ан-

ненковъ 2-й довелъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, что во время бомбардированія г. Одессы неприятельскими эскадрами, 10-го числа сего мѣсяца, убито городскихъ обывателей трое *) и ранено восемь; сожжено бомбами и конгревовыми ракетами, въ предмѣстьи на Пересыпи, четырнадцать небольшихъ, обывательскихъ строеній, а въ самомъ городѣ повреждено пятьдесятъ два каменныхъ дома, которые всѣ принадлежатъ частнымъ лицамъ. Изъ нихъ наиболѣе потерпѣли: домъ князя Воронцова, смежный съ нимъ, домъ, занимаемый генераль-губернаторскою канцелярією, и домъ М. А. Нарышкиной, находящіеся на бульварѣ.

«Свидѣтельствуя, что, въ эти дни испытанія, спокойствіе и порядокъ въ городѣ и окрестностяхъ онаго не были нарушены ни однимъ предосудительнымъ поступкомъ, генераль-адъютантъ Анненковъ представилъ, полученное имъ, за общимъ подписаніемъ, пребывающихъ въ Одессѣ, иностранныхъ консуловъ, нижеслѣдующее письмо, въ которомъ они объявляютъ мѣстному начальству искреннѣйшую признательность за оказанное всѣмъ иностранцамъ покровительство.

Одесса, 16го апрѣля 1854.

Копія съ письма, проживающихъ въ городѣ Одессѣ, иностранныхъ консуловъ къ г. исправляющему должность Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора.

*) Сынъ аптекарскаго ученика Алексѣй Филипповъ, отставной рядовой Антонъ Стройко и солдатка Софія Федосѣева.

«Нижеподписавшіеся, генеральные консулы и консулы иностранныхъ державъ, пребывающіе въ Одессѣ, имѣвшіе честь, вмѣстѣ съ вашимъ Превосходительствомъ, поднести Его Высокпревосходительству господину командиру 3-го пѣхотнаго корпуса, генераль-адъютанту, барону Остенъ-Сакену дань глубокой признательности, считаютъ долгомъ изъявить чувства равной благодарности Вашему Превосходительству и Его Превосходительству господину военному губернатору генераль-лейтенанту Крузенштерну, за существенно-полезныя мѣры и отеческія заботы, коими вы изволили оградить, въ дни опасности, семейства и имущества соотечественниковъ ихъ, поселившихся въ Одессѣ.

«Въ надеждѣ, что Ваше Превосходительство не отвергнете выраженія одушевляющихъ ихъ чувствъ, нижеподписавшіеся пользуются симъ случаемъ, дабы засвидѣтельствовать Вашему Превосходительству особенное ихъ уваженіе.

Подписали: *Чискини*, Австрійскій консуль.

Берцолезе, Сардинскій генеральный консуль.

Юнгъ, Нидерландскій консуль.

Этлинггеръ, Баварскій консуль.

Багеръ-и-Рибасъ, Испанскій и Пармскій генеральный консуль.

Нуньесъ-деи-Санъ-Секондо, Неаполитанскій и Римскій генеральный консуль.

Менгеръ, Пруссскій консуль.

Графъ *Порро*, Португальскій генеральный консуль.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, генераль-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ сообщаетъ, что карантинъ и въ особенности пассажирскій кварталъ его подверглись сильному огню непріятельской артиллеріи, и что пассажиры выведены были въ другое помѣщеніе, внѣ пушечнаго выстрѣла, для спасенія ихъ отъ угрожавшей опасности.

«Подобная предохранительная мѣра принята для шкиперовъ и корабельной прислуги купеческихъ судовъ, какъ нейтральныхъ, такъ и враждебныхъ намъ державъ.

«Дабы память недостойнаго покушенія Англо-Французскаго флота была сохранена, пробоины, сдѣланныя непріятельскими ядрами въ городскихъ строеніяхъ, означены черною краскою.

(С. Пч. и Р. И.)

Въ сущности, вредъ, нанесенный жителямъ Одессы врагами, былъ незначителенъ. Конечно, классъ болѣе достаточный поистратился, переѣзжая и перевозя имущество свое изъ города въ окрестности; но и тутъ произошелъ только обыкновенный переходъ денегъ изъ однихъ рукъ въ другія, въ самомъ-же городѣ. Ущербъ-же, который потерпѣли бѣднѣйшіе жители, былъ изглаженъ великодушіемъ Монарха. Въ отеческой заботливости, Государь Императоръ соизволилъ пожаловать 6,539 р. с. въ пособіе тѣмъ изъ жителей Одессы, которые наиболее потерпѣли отъ поврежденія домовъ ихъ во время бомбардированія. И самый городъ, въ минуты тяжкаго испытанія, явившій и святое чувство вѣры Христовой, и глубокую, вѣрноподданническую преданность къ Престолу, былъ осчастливленъ высокимъ знакомъ Монаршаго вниманія.

Его Императорскому Величеству благоугодно было даровать грамоту слѣдующаго содержанія.

Жителямъ Нашего любезно-вѣрнаго города Одессы.

Англійскій и Французскій флоты, войдя въ Черное море, устремились, тому нѣсколько дней, на мирный и открытый Европейской торговлѣ городъ Одессу.

Генераль-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ, свидѣтельствуя о блистательномъ мужествѣ, съ которымъ покушенія непріятели отражены были военною силою, довелъ также до Нашего свѣдѣнія, что среди угрожавшей жителямъ опасности, внутреннее спокойствіе соблюдалось ими безъ малѣйшаго нарушенія, и что они съ примѣрнымъ усердіемъ исполняли всѣ распоряженія мѣстныхъ властей.

Сознаніе долга, указуемаго святою Вѣрою и преданностью къ Престолу, одушевляетъ, къ искреннему утѣшенію Нашему, всѣхъ любезныхъ Намъ вѣрноподданныхъ. Въ Одессѣ же достохвальное чувство это явилось въ полномъ развитіи подъ громомъ непріятельскихъ орудій.

Твердость и самоотверженіе жителей сего города не могли не обратить на себя Нашего вниманія, и Намъ пріятно изъявить всѣмъ сословіямъ онаго по этому случаю особенное Наше благоволеніе.

На подлинной собственной Его Императорскаго Величества рукою написано :

«НИКОЛАЙ.»

С. Петербургъ, 26-го Апрѣля 1854 года.

Примѣчаніе къ плану. Греческія называется часть города между Екатерининской и Почтовой улицами до Итальянской.

На приложенной картинкѣ изображено дѣло шеголевской батареи съ англо-французскими пароходами. На право, на возвышеніи видѣтъ домъ князя М. С. Воронцова; вѣли — эманія карантина.

Замѣченныя ошибки.

- Стр. 9 и 13 промѣняли дно, чит. море.
- 23 строка 13 убралъ паруса, чит. снялъ.
- 40 • 21 тшыки, чит. штыки.
- 47 • 8 неужили, чит. неужели.
- 82 • 28 корвертъ Фюри, чит. корветъ Фюри.

1948

15796/

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ МІХАЙЛИЧНИКОВА

Приблизительный планъ г. Одессы

къ „Запискамъ о бомбардированіи Одессы 10го апрѣля 1854“

